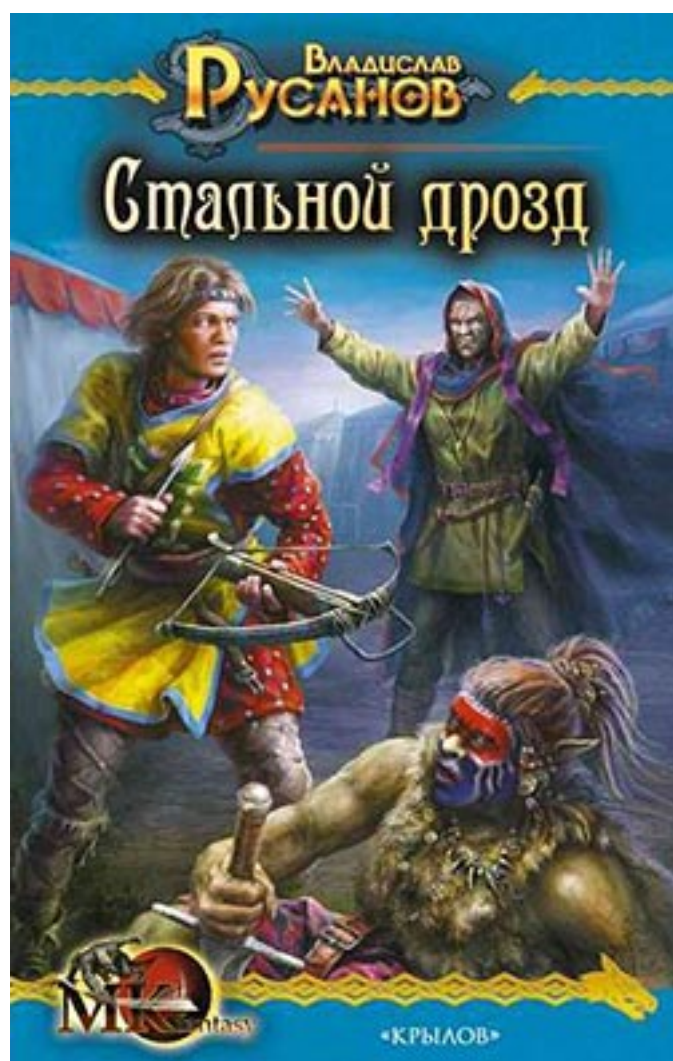

Владислав Русанов
Стальной дрозд
Серия «Бронзовый грифон», книга 4

Текст предоставлен издательством «Крылов»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=173206

Аннотация

Великая Империя на грани краха, и лишь немногие пытаются встать на ее защиту. Среди них знаменитый сыщик Мастер и сбежавшая из борделя Флана, гвардеец Кир и студент Антопо. Они готовы жизнь отдать за Империю. Но прежде чем вступить в последнюю войну, надо выдержать множество испытаний: жертвенный костер жрецов Золотого Вепря и схватку с оборотнем-котаком, борьбу с шайками мародеров и голод в осажденной столице, предательство соратников и ненависть волшебников-ренегатов...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Владислав Русанов

Стальной дрозд

Часть первая

Могильщики империи

Глава 1

Серое небо навалилось на верхушки разлапистых сосен, словно медведь на загривок косматого лесного быка, давило их книзу, так и норовило согнуть и сломать медово-желтые хребты, вцепиться в загривки, топорщащиеся по-осеннему иглами. Ворочались темно-серые, грязные тучи, словно мускулы под мохнатой шкурой лесного разбойника. Моросью холодного пота оседал на одежде и конской сбруе обложной дождь.

По обе стороны от дороги – собственно, и не дороги вовсе, а лесной тропы – бесновалась толпа карликов-дроу, топая костлявыми ногами с шишковатыми коленями и неестественно большими ступнями – хоть без лыж по снегу зимой бегай. Круглые головы, водруженные на узкие плечи, поражали выпуклыми совиными глазами с вертикальным зрачком, скошенными подбородками и проваленными переносьями. Осенняя промозглая сырость – как-никак месяц Ворона¹ на дворе, еще немного, и пойдут первые заморозки – заставила их надеть кроме обычных кожаных юбочек еще и меховые безрукавки: рысьи, куньи, беличьи. Безбородые лица покрывала боевая раскраска. Охра, красная глина, перетертые в порошок лазурь и малахит, белые полосы мела. Узоры на щеках и лбах свивались в письмена и клановые знаки – клан Остролиста и клан Бука, клан Граба и клан Можжевельника, клан Горной Сосны и клан Бересклета...

Воины пронзительно вопили и потрясали короткими копьями, палицами и топорами, ножами и кулачными щитами, мощными дальнбойными луками, которые прославили племя низкорослых стрелков далеко за пределами гор Тумана.

Седоволосые вожди и суровые жрецы одобрительно кивали головами.

Улыбался и человек, поглядывающий на дроу с высоты седла. Судя по опавшим бокам вороного красавца, они преодолели не одну сотню миль, пробираясь сюда, в дремучие леса, покрывающие склоны гор на границе Гобланы и Барна. Но наездника дальний переход, казалось, нисколько не утомил. В отличие от трясущегося рядом изможденного слуги, он выглядел свежим, веселым и готовым в любое мгновение как разразиться хохотом, так и схватиться за рукоять меча, свисавшего с роскошного пояса – широкого, из тисненой кожи, усыпанного золотыми бляхами на дорландский манер.

Внимательного наблюдателя, знающего толк в обычаях народов, населяющих Империю и западные королевства, осмотр гостя остроухих скорее озадачил бы, чем удовлетворил любопытство. Тяжелое золотое кольцо в ухе указывало на уроженца Фалессы. Бородка клинышком – на благородного вельсгундского барона, эдакого фон Берген-Фраттера. Шляпу с неширокими полями украшали перья заморской птицы, обитающей лишь в пустынях на южных границах Айшасы. Правда, из трех роскошных белых опahal в целости и сохранности осталось лишь одно, изрядно потрепанное и намоченное непрекращающимися в послед-

¹ В Сасандре принят солнечный календарь: 10 месяцев по 32 дня. Длительность месяца соответствует периоду нахождения Солнца в каком-либо из зодиакальных созвездий. Соответственно, месяцы несут имена этих созвездий – Бык, Лебедь, Кот, Овца, Ворон, Кит, Филин, Козел, Конь, Медведь. Начало нового года приходится на летнее солнцестояние.

ний месяц дождями, а о прежнем существовании остальных напоминали два обломанных черенка. Да и укрывающий плечи всадника плащ – даже на первый взгляд дорогой, вышитый золотом, несомненно имперской работы – кое-где покрывали подозрительные пятна и подпалины, заставляющие задуматься об искрах от походного костра. А если бы человек открыл рот и представился, то легкое, но все же ощутимое пришепетывание на звуках «с» и «з» позволило бы заподозрить в нем лотанца, хотя назвался бы он бароном Фальмом из Итунии.

Имя барона не было широко известно в землях Сасандрийской империи (ну, разве что в самых верхних кругах тайного сыска), но на западе он прославился как непримиримый и несгибаемый борец с Империей Зла и Тюрьмой Народов, как называли Сасандру многочисленные ревнители свободы. Он поспевал везде, где только семена недовольства имперской политикой пускали ростки вражды и ненависти. Вот уже двадцать лет ни одно восстание дроу не обходилось без его участия. Конечно, сам барон не стрелял в людей из лука, не мчался с обнаженным клинком впереди толпы свирепых остроухих, но зато руководил переброской через перевалы обозов со стальными наконечниками стрел (взамен распространенных среди кланов кремневых и костяных), с зерном и солониной, с лекарственными снадобьями. Он умел подобрать нужные слова и для самолюбивых вождей дроу, уговаривая их не бросаться на сасандрийские полки поодиночке, и для дорландских князей вкупе с фалессинскими торгашами и вельсгундскими банкирами, убеждая их уделить толику доходов делу борьбы с сасандрийскими конкурентами. Барон Фальм появлялся там, где имперское влияние за жителей запада материка становилось, по его мнению, слишком велико. И здесь он не щадил ни денег, ни жизней политических противников. Не приведи Триединый, на престоле одного из королевств окажется монарх, сочувствующий Сасандре!

Кое-кто поговаривал, дескать, видел барона в краю Тысячи озер, где в болотах и бесчисленных рукавах нижнего течения Арамеллы живут зеленокожие гоблины, и на бескрайних просторах Великой степи в гостях у вождей «незамысленных» кентавров, и даже на острове Халида, дающем приют самому разнообразному сброду, пиратствующему в Ласковом море. Оспорить трудно. Почему бы и нет? Лишь бы не ввали, что появляется в двух местах одновременно. Отдельные злые языки болтали, мол, приплачивает – и хорошо! – его милости король Айшасы, обеспокоенный ростом влияния Сасандры. Что ж... Этих умников после часто находили со сломанными шеями, вырванными глотками или с кишками, намотанными на шею. Постепенно клеветники успокоились – если не из уважения к барону, то хотя бы из страха за собственную жизнь.

Жеребец поскользнулся на нехстати торчащем из земли корне и тряхнул головой. Барон дернул вороного и тут же успокоил его, похлопав ладонью по блестящей от мороси шее. Приветственно взмахнул рукой.

– Н’атээр-Тьян’ге! – взорвалась толпа. – Н’атээр-Тьян’ге!!!

Не знакомый с обычаями диких горцев удивился бы, узнав перевод клички, которой дроу назвали Фальма.

Змеиный Язык!

Оскорбительная для людей, в устах остроухих она звучала как самая изысканная похвала. Вероломство на войне считалось у них не подлостью, а мастерством. Вовремя не перехитришь врага – распрощаешься с жизнью. Кто не успел, тот опоздал, как говорится. Обмануть, заманить в засаду или ловушку, заключить союз и тут же его расторгнуть – вот основы тактики и стратегии клановых вождей.

– Го р’абх маит’, б’райте мах!² – с трудом принаравливая человеческую гортань к наречию дроу, ответил господин барон.

² Благодарю вас, братья мои! (Наречие дроу.)

– Н’атээр-Тьян’ге!!! – Восторгу остроухих, казалось, не было предела.

Самые горячие головы (а среди дроу, как известно на всем материке от Гронда до Окраины, таких из десятка девять) швырнули вверх топорики и палицы. Завизжали, взвыли дурными голосами, нисколько не напоминающими обычные для горного народа птичьи трели.

От их крика еще глубже вжал голову в плечи спутник Фальма – худой, нескладный, кутающийся в потрепанный кожаный плащ. Его вытянутая физиономия в обрамлении реденьких, седых, вымокших волос хранила неизменно затравленное выражение, а блеклые глаза несли печать безумия, присущего бродягам из южных королевств.

Барон заметил его непроизвольное движение, обернулся, воскликнул, оскалив ровные белые зубы:

– Веселее, Пальо! Мы у друзей! Теперь уж наемники нас не догонят!

Бывший слуга ландграфа Медренского судорожно сглотнул, кивнул и покрепче вцепился правой рукой в повод, а левую запустил за пазуху, словно нашаривая спасительный талисман. Войны с дроу никогда не докатывались до северной Тельбии, уроженцем которой был Пальо, но, как поют менестрели, «слухи ширятся, не ведая преград» – о зверствах, творимых остроухими, поговаривали не только на севере Сасандры, но и на юге, и на востоке. А у страха глаза велики, и в пересудах обывателей карлики-горцы превратились едва ли не в кровожадных людоедов, которые так и норовят полакомиться плотью несчастного прохожего или случайно забредшего путника. И сейчас Пальо сохранял лишь видимость спокойствия, а на самом деле от ужаса готов был упасть в обморок.

– Пальо! – заметив его состояние, негромко проговорил Фальм, разворачиваясь в седле и не забывая при этом приветственно помахивать перчаткой воинам дроу. – Держи себя в руках! Смерть бежит от храбреца в поисках труса!

– Да, господин барон, – слуга кивнул так торопливо, будто получил подзатыльник. – Слушаюсь, господин барон...

Тельбиец попытался глянуть по сторонам молодцевато, но смертельная бледность костистого лица и дрожащая челюсть почему-то внушали сомнения в его отваге. И все же он повиновался, ибо его милости боялся больше, нежели всех дроу гор Тумана. Попытался выровняться в седле, расправил, насколько возможно, плечи.

Фальм кивнул удовлетворенно. Легонько подтолкнул шпорой вороного. Конь, несмотря на усталость, выгнул шею, пошел мелкой танцующей рысью.

Десяток шагов по лесной тропе, обочины которой облепили беснующиеся карлики, и перед всадниками открылась неширокая поляна, посреди которой курился очаг, укрытый от дождя сосновым лапником. Сюда простые воины-дроу заходить опасались. Даже клановые вожди могли ступить на освященную жрецами поляну лишь по приглашению. Таких капищ, разбросанных по горным склонам, насчитывалось не больше десятка. И лишь в одном из них, считавшемся главным, стояла статуя Золотого Вепря, которого дроу почитали как верховное божество, хранителя всего сущего.

Здесьнее капище не было главным. Слишком близко к долине Гралианы, к поселениям ненавистных людей. Но все-таки здесь собирались воины кланов перед набегами. Местные жрецы напутствовали ищущих славы и добычи удалцов, а также первыми удостоивались права «десятины» – десятой части награбленного, которую воины добровольно отдавали священнослужителям. Вдоль кромки поляны выстроились сплетенные из ивняка, покрытые широкими лапами сосен и елей хижины, где обитали жрецы, известные своим аскетизмом и близостью к природе. Очаг в центре поляны представлял собой жертвенник. Ни один из остроухих не осквернил бы этот очаг приготовлением пищи. Да что там пищи! Никто не осмелился бы даже просто погреть руки над огнем, предназначенным Золотому Вепрю и прочим лесным защитникам и помощникам в охоте и трудах.

Барон Фальм осадил коня, спешился, присел пару раз, разминаясь.

Палью тяжело сполз на землю, налегая животом на переднюю луку. На ногах не устоял и опустился на колени, удостоившись презрительного взгляда барона. Мол, в грязи такому и место.

Навстречу им неторопливо выступали семеро жрецов. Все седые, морщинистые, как кора старого граба, высохшие, будто прошлогодние желуди. Тела шестерых укрывали бесформенные балахоны из облезлых шкур. Седьмой довольствовался кожаной юбочкой. Его руки и ноги больше напоминали отполированные ветром и дождем деревяшки. На лицо свисали длинные космы, уже не просто выбеленные временем, а с ощутимой прозеленью. Жрецы высшей ступени просветления могли жить очень долго и по людским, и по нелюдским меркам. Вполне возможно, что этот дроу сражался против армий Сасандры еще при дедушке нынешнего, преставившегося в весьма почтенном возрасте, императора.

– Приветствую тебя, Слышащий Листву! – Фальм снял шляпу, оказывая жрецу высшую степень уважения.

– Легки ли были твои дороги, Тот Кто Меняет Шкуру? – Дроу назвал барона не обычным прозвищем, полученным за понятные каждому смертному заслуги, а именем, отражавшим его внутреннюю сущность, видеть которую могли далеко не все. При этом старик задержал взгляд на изуродованном левом ухе человека. На самом деле уха как такового там не было – ошметки хряща, как будто кто-то пожевал и выплюнул.

– Не труднее, чем обычно, – лишь на мгновение скривившись, ответил барон. Водрузил шляпу обратно, невзначай коснувшись остатков уха. – Настоящего воина шрамы украшают, не так ли?

– Надеюсь, врагу твоему тоже досталось? – невозмутимо проговорил дроу. Только поднял полуприкрытые веки, выдавая заинтересованность.

– Он мертв! – хлестко бросил Фальм, вызвав одобрительные кивки прочих жрецов.

– Поступок воина, – согласился высший жрец. – Я рад. Ведь твои враги – наши враги.

– Я признателен за твои слова, Слышащий Листву. Ты даже не представляешь, насколько близок к истине.

– Я слушаю тебя внимательно, Тот Кто Меняет Шкуру. Говорить загадками – удел юнцов.

Фальм пропустил укол мимо ушей.

– Много зим назад двое наглецов нанесли оскорбление всему племени сынов Вечного Леса. Я имею в виду подлецов, проникших в капище Золотого Вепря.

– Я помню этот случай, – согласился дроу. – Не так уж давно это было. Всего лишь два цикла³ и еще одна зима.

– Верно, – не стал спорить барон. – Для слышащих и видящих срок не велик. Но простые воины живут быстро. И умирают быстро.

– Тогда наши лучшие следопыты вернулись ни с чем. Они сказали, что один из свято-татцев смертельно ранен и если не умер сразу, то вскорости истечет кровью.

– А второй?

– Второго они, признаться, не сумели ранить. Он дрался как поднятый из спячки медведь. Наши воины попросту не могли приблизиться к нему на расстояние удара.

– Двуручный меч, – кивнул Фальм. – Среди людей не так много бойцов, достойных называться мастерами боя на этом оружии.

– Этот мог бы выжить, если бы бросил сообщника, – задумчиво поговорил жрец.

– Он не бросил сообщника, Слышащий Листву. Но выжил. И вытащил раненого. Твои следопыты ошиблись. Хотя рана его и впрямь оказалась очень тяжелой. Он лишился руки и

³ Цикл дроу соответствует двенадцати годам в человеческом летосчислении.

впоследствии заменил ее железной, за что и получил кличку – Кулак. Второго, который так ловко управлялся с двуручником, люди прозвали Мудрецом.

– Зачем ты все это рассказываешь мне, Тот Кто Меняет Шкуру? – Дроу на мгновение широко открыл глаза и вновь опустил редкие седые ресницы.

Барон легко провел пальцами по остатку уха:

– Это сделал Мудрец.

Младшие жрецы понимающе вздохнули. Возраст каждого из них не шел ни в какое сравнение со сроком, который прожил Слышащий Листву, но многие из них двадцать пять лет назад уже прошли посвящение.

– Я убил его, – буднично продолжал Фальм. – Кулак, когда я видел его в последний раз, был вновь тяжело ранен, но жив.

– Что же тебе помешало? – в голосе жреца прозвучала едва уловимая насмешка.

– Мне нужно было добыть одну вещь, при помощи которой я рассчитываю окончательно уничтожить Сасандру. – Барон не показал виду, что почувствовал издевку. – Я не мог рисковать. Думаю, и ты, Слышащий Листву, не поставишь мелкую месть одному жалкому однорукому человечку выше, чем борьба с ненавистной Империей?

Дроу помедлил, словно борясь с собой, но кивнул:

– Конечно. Но я бы говорил об отложенной, а не о прощенной мести.

– Кто бы спорил, а я не буду, – пожал плечами барон. – Тем более, насколько я знаю этих людей, Кулак если выжил, то гонится за мной. Возможно, кто-либо из сынов Вечного Леса уже отомстил за оскорбленное святилище. А если еще не отомстил, то сделает это очень скоро. Я же видел, людей вы сейчас не щадите.

– Верно. – Слышащий Листву расправил плечи. – Давно пора показать великорослым круглоухим уродам, кто хозяин на этой земле. Спасибо, Тот Кто Меняет Шкуру. Ты потешил меня рассказом. Великая жертва вскорости воздастся в святилище Золотого Вепря. Я сам пошлю весточку Ведающему Грозу. А вождям кланов прикажу искать человека с железной рукой. Среди живых и среди мертвых. Месть будет завершена.

– Не сомневаюсь, – Фальм показал белые зубы.

– Приглашаю тебя разделить с нами трапезу и кров, – жрец сделал широкий жест рукой. – Мои враги – твои враги. Мой кров – твой кров.

– О, благодарю тебя за оказанную честь, Слышащий Листву! – Барон прижал ладони к сердцу. – Но я – воин. Мое место с воинами. Я не смею мешать просветленным духом в их дальнейшем постижении тайн мироздания. – А про себя добавил: «А еще больше мне не хочется грызть орешки и жевать сухие корешки с тобой за компанию. С дороги я обычно предпочитаю печенную в углях оленину».

– Не буду настаивать. – Жрец ткнул пальцем в Палью, продолжающего стоять на коленях с видом осужденного на мучительную смерть. – Надеюсь, это ты заберешь с собой? Или это подарок, предназначенный в жертву Великому Лесу?

– Нет! – усмехнулся Фальм. – Это ничтожество мне нужно. Пока нужно. И, несмотря на трусость и беспомощность, он все же сослужил мне службу. А потому заслуживает смерти быстрой и легкой. Никто на материке не скажет, что я не умею быть благодарным.

– Какая смерть легче и почетнее, чем смерть на жертвеннике? – оскалился дроу.

– И не уговаривай меня, Слышащий Листву! – Барон покачал головой. – Я благодарен тебе за встречу, за добрые слова, за предложенное гостеприимство. Скажи, я мало делаю для борьбы с Империей?

Жрец поднял руку:

– Ты всегда был нашим братом и самым преданным союзником. Я не стану спорить с тобой из-за жалкого червя, корчащегося в грязи, как ему и подобает. Поступай с ним по своему разумению.

По знаку предводителя младшие священнослужители развернулись и медленно, сохраняя торжественность, двинулись к хижинам.

Фальм еще раз поклонился, прижимая ладони к груди, и взял под уздцы коня.

– Да! Тот Кто Меняет Шкуру! Ты, может быть, хочешь знать, что мы сохранили жизнь одному человеку, назвавшему твое имя?

– Мое имя? – приподнял бровь барон.

– Да. Он назвал тебя Змеиным Языком. Иначе он давно взнесся бы...

Человек зевнул. Потер щеку.

– Когда я смогу его повидать?

– Да когда захочешь. Его охраняют воины клана Можжевельника.

– Ими предводительствует еще Черный Клык?

Слышащий Листву не удостоил его ответа. Молча развернулся и зашагал следом за помощниками.

Барон недолго смотрел на его прямую, прикрытую спутанными волосами спину. Дернул плечом, оскалился страшно – точь-в-точь натасканный на убийства кот – и, вцепившись пятерней в шиворот, поднял на ноги Пальо: «А ну, быстро за мной!»

Они покинули поляну с капищем и, оставив коней на попечение разукрашенных черной и белой краской воинов, углубились в лес. Встречающиеся на пути Фальма дроу радостно улыбались (хотя многим из поселенцев-людей, знакомых с яростной атакой остроухих, эти улыбки показались бы страшнее гримас демонов из Огненного круга Преисподней), воины помоложе старались коснуться края одежды барона хотя бы кончиками пальцев. На счастье.

– Н’атээр-Тьян’ге! – не смолкали восторженные голоса. Но открытое ликование карлики уже стеснялись проявлять. Прежде всего, друг перед другом и перед вождями. Не к лицу воинам долго радоваться.

Барон любезно улыбался подхोдившим к нему дроу. Иногда перебрасывался словечком, другим. Их речью он владел великолепно, затрудняясь лишь в горловых щебечущих звуках. Худой слуга двигался с обреченным видом, переставляя ноги будто во сне. Фальму пришлось несколько раз подтолкнуть его и даже один раз прикрикнуть, сверкнув глазами.

Становище клана Можжевельника они разыскали без труда. На глаз, полторы-две сотни воинов расположились под скалой из полосатой, желто-коричневой породы, напоминающей песчаник, о который так хорошо точить ножи. Раскрасились остроухие под стать временному пристанищу: широкие охристые и красно-бурые полосы на руках и ногах. Волосы они скручивали узлом на макушке, втыкая туда одно-два пестрых пера. Не орлиные, скорее из хвоста крупного филина.

Дроу с изуродованной грубым шрамом щекой степенно вышел навстречу барону. Улыбнулся, показывая почерневший зуб – похоже, в молодости он сильно им ударился.

– Легки ли были твои тропы, Змеиный Язык? – проговорил воин.

– Что такое легкость, Черный Клык? – философски заметил барон. – Самый приятный из путей проходит по тропам врагов, но можно ли назвать его легким?

– Верно, – согласился клановый вождь. – Уж лучше я потружусь, убивая врагов, чем пройду от гор до реки не вспотев. Ты говоришь мудрые слова, Змеиный Язык, словно жрец. Но сражаешься лучше любого воина. Рад видеть тебя у своего костра. Это честь для клана Можжевельника.

– Это для меня честь разделить тепло костра и пищу с прославленными воинами клана Можжевельника, Черный Клык, – возразил барон. Вытолкнул вперед Пальо. – Накормите и его. Да! Поручи какому-нибудь юнцу, впервые вышедшему на тропу войны, приглядеть за ним – как бы глупостей с перепугу не наделал.

– Может, проще ему жилы подрезать под коленками? – с презрением оглядел слугу вождь. – Куда он тогда денется?

– Хороший способ! – улыбнулся Фальм. – Но он пока нужен мне целым. И чтоб мог ходить и ездить на лошади.

Черный Клык пожал плечами. Мол, что поделаешь, у каждого свои причуды. Даже у мудрейшего из мудрых и отважнейшего из отважных. Поманил пальцем ближайшего воина:

– Возьми этого червя, Сонный Кот. Отныне его жизнь это не только твоя честь, но и честь всего клана.

Когда остроухий увел Пальо, вождь повернулся к барону:

– Ты, должно быть, хотел поговорить с человеком, которого стерегут воины моего клана?

– Не раньше, чем выкурю пару трубок у твоего костра, Черный Клык. – Фальм вытащил из-за пояса кожаный мешочек величиной с кулак, подкинул его на ладони.

Дроу довольно улыбнулся. Табак попадал к ним редко. В основном, его доставляли в обход, из Итунии, через перевалы. Имперские купцы, даже самые жадные до выгоды и отчаянные, с карликами торговать побаивались.

Они молча курили, сидя у обложенного угловатыми камнями костра под защитой растянутой шкуры матерого оленя-трубача. Наслаждались мьельским табаком. Фальм не проявлял любопытства, поскольку эта черта характера не в чести среди горцев. А Черный Клык не торопился просто потому, что не спешил никогда. Он привык делать все основательно: снаряжать стрелы наконечниками, плести тетиву лука, устраивать засады для врагов, жечь поселения барнцев и отдыхать в кругу соплеменников. И поэтому он втягивал сизоватый дым, выпускал клубы из широких вывернутых ноздрей, цокал языком от восхищения.

Наконец карлик со вздохом отложил выкуренную трубку (третью или четвертую). Сказал, блаженно жмуря глаза:

– Он назвал тебя Змеиным Языком. Если бы не это, сам понимаешь... – Черный Клык лениво чиркнул ногтем поперек кадыка.

Фальм задумчиво смотрел на пламя костра.

– Сам понимаешь, пришел он с юга, из Империи. – Дроу даже сплюнул, упомянув Сасандру.

– Да. Оттуда проще ждать недруга, – согласился барон. – Не многие в Империи могут похвастаться знакомством со мной.

– И мы так подумали. Даже если это враг, то наверняка хитрый и коварный, – остроухий произнес последние слова с нескрываемым уважением. – Глупо убивать такого, не допросив, как полагается.

– Золотые слова! – Фальм потянулся. – Вот мы сейчас и разберемся, кто тут друг, а кто – враг. Пускай приведут этого умника.

Черный Клык отложил трубку, едва слышно хлопнул в ладоши. Тут же под пологом возникла вымоченная дождем голова воина из числа младших, не совершившего еще военного подвига, не убившего ни одного человека. Их удел – прислуживать вождям и старшим воинам в походе.

– Приведи лазутчика, – лениво распорядился вождь.

Воин кивнул и скрылся.

– Еще по одной? – потянулся за кисетом Черный Клык.

– Кури... – отмахнулся Фальм. – А с меня хватит.

Пока дроу набивал трубку и выуживал из костра подходящий уголек, барон увлеченно разглядывал закопченный полог, закинув ногу на ногу и болтая туда-сюда носком сапога. Казалось, созерцание потолка заняло все его внимание.

Мгновения бежали за мгновениями. Вождь клана Можжевельника курил, блаженно прикрыв глаза. Фальм скучал.

Наконец осторожные шаги городского человека, оказавшегося вдруг в лесу, и едва слышный шелест босых ступней дроу возвестили о появлении пленника с охраной. Человек, согнувшись, нырнул под кожаный навес. Быстро осмотрелся и уселся у костра, скрестив ноги, словно у себя дома. Воины-дроу, сопровождавшие его, застыли у входа, не обращая внимания на усилившийся дождь.

Барон окинул незнакомца пристальным взглядом. На вид лет сорок – сорок пять. Некогда ухоженная, но сейчас запущенная остроконечная борода (почти такая же, как и у самого Фальма), подкрученные усы, длинные русые с проседью волосы. В правом ухе слегка поблескивала серебряная серьга с синим камушком – возможно, сапфир. Одежда добротная, и видно, что не дешевая. Голенища сапог потертые с внутренней стороны – значит, долго ехал верхом.

Внезапно Фальм почувствовал, что его рассматривают не менее внимательно. Цепкие серые глаза пробежали сверху вниз по его лицу и одежде с ловкостью, достойной пальцев умелого карманника. Похоже, выделили каждую черточку, каждый шов на куртке, каждое пятнышко грязи на сапогах. Вот это дерзость! Холодная ярость вскипела в груди барона. Кто он такой, чтобы так бесцеремонно...

– Барон Фальм, я полагаю? – невозмутимо произнес человек, почесывая через штанину колено.

Барон прищурился, готовый уже выплеснуть накопившуюся злость за позорное бегство из Медрена, за упущенного Халльберна – графенка малолетнего, за придурка-попутчика, за ненастную погоду, но пленник его опередил, сказав с улыбкой:

– То есть я, конечно, имел в виду – Змеиный Язык, – и с некоторым усилием добавил: – Н'атээр-Тьян'ге. Я правильно выговорил?

– Достаточно правильно, чтобы не быть зарезанным после первых слов, – превозмогая себя, сказал барон. – Кто ты и что тебе надо?

Человек бросил быстрый взгляд на Черного Клыка. Сказал:

– Признаться, я думал поговорить наедине... Хотя чего уж там! Когда тонешь, переживать, что ноги промочил, – сущая нелепица. Не так ли?

– Может, и так. – Краем глаза Фальм заметил, что слова пленника произвели благоприятное впечатление на дроу. Отважных врагов они уважали. Могли даже подарить быструю смерть. – Но я повторяю свой вопрос...

– Не ответив на мой? Я буду разговаривать только со Змеиным Языком.

– Хорошо! Змеиный Язык – это я, – процедил барон сквозь зубы, с трудом сдерживаясь, чтобы не пырнуть наглеца кордом.

– Очень рад встрече.

– Да неужели? А я вот – не очень.

– Почему?... – словно обиженный ребенок, вытянул губы трубочкой незнакомец. И тут же хлопнул себя по колену. – Ах да! Я ведь не представился! Позвольте, ваша милость, исправить эту досадную ошибку. Меня зовут т'Исельн дель Гуэлла. – Он клонил голову набок, наслаждаясь произведенным впечатлением.

Фальм не смог сдержать смех. Как же ему везет в последнее время на сумасшедших! Конечно же, он слышал это имя. Глава тайного сыска Аксамалы. Один из приближенных к правящей верхушке Сасандры. Люди, чьим отличительным знаком была бронзовая бляха с гравировкой инога,⁴ старательно разрушали плоды трудов барона и ему подобных. Ловили шпионов западных королевств и Айшасы, пресекали возмущение порядками внутри самой

⁴ Иног – грифон. Символ тайного сыска Сасандрийской империи.

страны, уничтожали общества вольнодумцев, раскрывали заговоры... В общем, у Фальма не было и не могло быть врага более заклятого, чем начальник аксамалианского тайного сыска. И кто бы мог предположить, что он сам добровольно отдастся ему в руки? Самоубийца? Или просто пустая голова?

– Я вижу, вы озадачены, господин барон? – проговорил дель Гуэлла.

– Я думаю, какая смерть подойдет тебе больше, – показал клыки Фальм.

– О... Недурно. Тогда позвольте представиться еще раз. Вы могли слышать обо мне как о Министре.

– О каком министре? Министре чего?

Теперь настал черед сыщика хохотать.

– Чего ты смеешься, крыса? – Барон потянул корд из ножен.

– Вам поклон от Старика, ваша милость! – мгновенно отбросив веселье, проговорил дель Гуэлла.

Зарывав, Фальм со стуком вогнал клинок обратно.

Да, он знал Старика. Черный, как головешка, сухой, как тростник, хитрый, как дикий кот, и беспощадный, как ядовитая змея, айшасиан жил в Мьеле вот уже почти полвека. Исправно платил налоги, торговал по мелочам, не возбуждая зависти ни грабителей, ни местных чиновников. Очень любил курить трубку, пить тягучее, багровое мьельское вино либо крепчайший травяной отвар из широкой пиалы в компании таких же, как и он сам, торговцев. Никто во всей Камате даже предположить не мог, что к нему, как к замершему в центре ловчих сетей пауку, сходятся ниточки многочисленной резидентуры, разбросанной по всей Империи, от Уннары до Барна, от Окраины до Гобланы. От него к королевскому двору Айшасы доставляли сведения не только о состоявшихся переменах в жизни Сасандры, но и о готовящихся военных действиях и изменениях в торговой политике. Через него получали денежную подпитку подпольные сообщества сасандрийских борцов за свободу слова и мысли. А развелось их в последние годы немерено-несчитано – всяких претенциозных названий хоть отбавляй: «Земля и люди», «Движение за свободу», «Свобода или смерть», «Борцы за счастье» и тому подобное... Благодаря кропотливой и неустанной работе Старика очень многие замыслы императора, генералитета и Совета жрецов Сасандры так и остались неисполненными, не позволив тем самым Империи укрепиться еще больше. Напротив, с каждым годом она слабела, ветшала, как источенный жуками-короедами древесный ствол, пока наконец-то не обрушилась, к огромному удовольствию Айшасы, Итунии, Дорландии, Фалессы, Вельсгундии и прочих королевств помельче и победнее. Барону не приходилось воочию сталкиваться с полулегендарным Стариком, но волей-неволей, делая одно дело, они время от времени обменивались имеющимися сведениями, согласовывали действия, а то и помогали друг другу золотом – Фальм хоть и отрицал свое сотрудничество с айшасианской разведкой, ради успеха дела мог идти на мелкие компромиссы с собственными убеждениями. И конечно же, он знал клички самых влиятельных агентов Старика.

– Значит, Министр? – неизвестно для чего переспросил Фальм.

– Министр, – подтвердил дель Гуэлла. – Понятно, что письменных свидетельств я вам не предоставляю. Равно как и рекомендаций от Старика. Вашей милости придется поверить мне на слово.

– Может быть. Но надо ли оно мне?

– Что?

– Верить на слово.

– Думаю, надо. – Напускная простота и даже легкая дурашливость слетели с дель Гуэллы, как созревший пух с одуванчика. В развороте плеч и поставе головы появилась опасная грация. Куда только девались расхлябанность и показная неуверенность в себе? Теперь сидящий перед Фальмом человек в самом деле походил на главу контрразведки. Вздумай он

убежать от дроу, ни Черный Клык, ни остроухие охранники из числа опытных воинов не сумели бы его удержать. Расшвырял бы голыми руками, а после шеи посворачивал. Барон позавидовал лицедейскому мастерству собеседника. Всех обманул! Такой действительно может играть двойную игру, служить одновременно Сасандре и Айшасе.

– И зачем? – не собирався сдаваться Фальм. Пускай дель Гуэлла – хитрец, но и у барона хватает козырей в рукаве.

– Затем, что мы делаем одно дело. Вы стараетесь развалить Империю, и я тоже. Почему бы нам не объединить усилия?

– А вы можете мне чем-то помочь? – Несмотря на скептический тон, барон решил обращаться к собеседнику более уважительно.

– Да. И притом существенно. До сих пор начинания мне удавались.

– И все же, почему я должен верить, что вы – тот, за кого себя выдаете?

– Ну, во-первых, если бы я захотел наврать с три короба, я придумал бы что-либо более правдоподобное. Не находите?

– Предположим.

– Во-вторых, я осведомлен о некоторых подробностях ваших взаимоотношений со Стариком. Не подумайте дурного, никакой утечки... Просто мне приходилось задействовать своих агентов. Если желаете...

– Не надо, – мотнул головой Фальм.

– Не надо так не надо... Кроме того, должен заметить, что провалу тельбийской кампании способствовала скорее не ваша, а моя работа. Восстание в Аксамале. Взбунтовавшиеся чародеи, сровнявшие с землей Верхний город...

– Что ж вы тогда в бегах, господин т'Исельн? – подозрительно сощурившись, поинтересовался барон.

– Не все пошло так, как я задумывал... Нашлись отчаянные головы, готовые отомстить мне даже ценой собственной жизни.

– А как же чародеи? Неужели они не сумели бы защитить вас?

– Чародеи? – Дель Гуэлла пожал плечами, пренебрежительно махнул рукой. – Они почти все погибли после того, как сделали свое дело. Да и привык я рассчитывать лишь на себя самого. Нельзя же, во имя Триединого, серьезно надеяться на помощь полусумасшедших людей, озабоченных лишь самолюбованием! Пришлось временно отступить.

Фальм задумался. Пока он морщил лоб и гладил рукоятку корда, т'Исельн безмятежно смотрел по сторонам. Даже подмигнул невозмутимо посасывающему трубку Черному Клыку.

– Хорошо... – Барон склонил голову к плечу. – Что вы теперь хотите делать? Чем займете, так сказать, свой досуг?

– Все очень просто, – напрямую ответил дель Гуэлла. – Когда вражеской армии нанесут поражение и она отступает с поля боя, можно, конечно, дать ей вернуться на зимние квартиры, пополнить число солдат и конское поголовье, отдохнуть и набраться сил. И в этом случае, возможно, в ближайшем будущем вы вновь столкнетесь с ней. А можно пустить в погоню конницу, терзать отступающие колонны фланговыми ударами и наскоками, отрезать полки и роты, уничтожая их по отдельности, и в конце концов развеять ее в пыль, не оставив даже воспоминания. Вы улавливаете мою мысль?

– Думаю, да.

– Стоит продолжать?

– А позвольте, господин т'Исельн, я продолжу за вас!

– Не смею возражать.

– Сасандре нанесен серьезный удар. Правящие круги Аксамалы уничтожены, а тот, кто остался в живых, вынужден скрываться. Управление провинциями нарушено, и они тут же

потребовали свободы и независимости. Армия лишена единого командования, разрознена, генералы пребывают в растерянности. Торговля в хаосе. Жрецы, оставшись без Верховного совета, не в силах более властвовать над умами и душами людей, формировать мораль. Так?

Дель Гуэлла кивнул.

– Тогда продолжаем... Сасандра подобна потрепанной, отступающей армии. Она отрезана от обозов и потеряла командиров. Но она может еще собраться с силами. До сих пор еще находятся люди, преданные имперской идее, готовые бескорыстно бороться за все, что так дорого их сердцам и так противно нам...

– Совершенно верно, – подтвердил т'Исельн. – Возможно, вы не слышали об этом в тельбийской глубинке или на дорогах Гобланы, но в Аксамале потихоньку возрождается настоящая власть. Даже среди вольнодумцев сыскались люди, способные править твердой рукой. Кто бы мог подумать?

– Значит, поверженную Империю нужно добить. Не дать ей подняться с колен, а, напротив, обрушить в тлен и прах.

– В самую точку! – воскликнул дель Гуэлла. – Я думаю, тут мы с вами сходимся.

– Конечно. Осталось предложить способ, каким этого лучше всего добиться.

– Ну, начало вы уже положили. Клань дроу, опустошающие северные пределы Империи, – довольно удачный ход.

– Благодарю, – довольно прищурился барон. – Хорошо бы еще поднять кентавров в Степи.

– Само собой. А еще заслать гонцов на остров Халида. Впрочем, пираты и сами сообщают что к чему. Им подсказка не нужна. Но у меня есть идея получше.

– Слушаю вас, господин т'Исельн, – Фальм как-то незаметно начал вести беседу на равных, как со старым и надежным союзником.

– Все довольно просто. Хорошо бы стравить провинции. Почему бы Барну не начать войну с Аруном? Или с Гобланой? А Табале с Литией?

– А Вельзе с Уннарой? – подхватил Фальм.

– Совершенно верно! А Тьялу хорошо бы стравить с альвами из Долины.

– Хм! – Барон дернул себя за ус. – Я даже знаю, как мы это сделаем. Но начнем, пожалуй, все-таки с Барна.

Дель Гуэлла не возражал. Да и что возразишь, если встретил такого единомышленника?

Глава 2

Разведчик вороньей стаи вылетел из ясеновой рощи, поднялся повыше в тугих потоках воздуха и, распластав крылья, поплыл над излучиной реки. Без малого сорок лет он прожил здесь, в безлюдных землях на севере Гобланы, у самых отрогов Туманных гор. Он видел всякое. И знал приметы, свидетельствующие об обильном угощении. Крики ярости и боли, свист оперенных стрел, тугое щелканье тетивы о кожаный нарукавник, жалобное ржание, с каким падают на землю смертельно раненные кони...

Сегодня после полудня от реки доносились звуки ожесточенного боя. Недолгого, но яростного. Кто бы там ни победил, а остаток добычи всегда достанется воронам. Хотя в последний месяц стая не голодала. У дороги, заполненной беженцами, всегда найдется чем поживиться.

Вот и узкий мостик – как раз одной телеге проехать. Неподалеку торчала на возвышении сторожка, где раньше ночевали вояки, собирающие мостовую подать в имперскую казну. Теперь кто-то наполовину разобрал бревенчатый сруб, раскидал по дворику соломенную крышу.

Ага... Ясно кто.

Мост обороняли.

Жалкая горстка людей – не больше двадцати бойцов – встала на пути спустившихся с гор дроу. Теперь человеческие тела, утыканные стрелами, валялись у самодельной засеки, перегораживающей выезд с моста. Около десятка щитоносцев, вперемешку с арбалетчиками, замерли в некотором отдалении: на склоне пригорка, между сторожкой и берегом безымянной речки.

Среди неподвижных тел бродили победители. Размалеванные карлики, украшенные причудливыми прическами и диковинными головными уборами. Ворону было глубоко наплевать, кто в этой войне прав, а кто виноват, но зато он отлично уяснил – там, где появляются остроухие, жди добычи.

Разведчик опустился на остов сторожки, сложил крылья, вытянул шею, словно кланяясь благодетелям. Если бы победу одержали люди, он бы не рискнул приблизиться, опасаясь камня или стрелы. Никто из дроу не убивал зверей или птиц просто так. Только для еды или нуждаясь в мехе, перьях, жилах, кости.

Угрюмый карлик с залитой кровью щекой искоса зыркнул на ворона и поворчал что-то под нос, а потом со злостью пнул труп, раскинувший перед ним руки-ноги. Наклонился, выдернул торчащую между нашитыми на кожаную куртку стальными пластинами стрелу, осмотрел наконечник, опять пробормотал непонятную фразу на своем наречии. Махнул рукой и отправился дальше.

Причины недовольства остроухих были понятны даже птице. Несмотря на более чем десятикратный численный перевес, переправа далась им большой кровью. Подступы к мосту на левом берегу усеивали трупы дроу. Да и на самих бревнах лежало не меньше двух десятков карликов.

Ворон негромко каркнул, призывая своих приблизиться. Опыт подсказывал, что церемониться с телами поверженных врагов здесь никто не будет. Выцарапают оружие из мертвых рук – все-таки хорошая сталь у горцев на вес золота – и отправятся дальше: убивать, грабить, жечь поселения. А тела оставят на поживу птицам и диким котам.

Скорей бы уже...

Разведчик хлопнул крыльями в нетерпении, неуклюже перепрыгнул боком по деревянному венцу, склоняя голову набок. Его внимание привлек какой-то посторонний звук, не

знакомый до сих пор. Ворон перелетел на конек покосившегося сарая, который по причине ветхости не тронули защитники моста, соорудившие укрепление.

С юга по раскисшей от дождей, разбитой копытами, сапогами и колесами дороге приближался отряд странных существ, созданных словно бы по насмешке Триединого. На конские туловища странная прихоть водрузила человеческие торсы. Гнедые, мышастые, саврасые конские спины блестели от влаги, широкие копыта уверенно впечатывались в грязь. Человеческие части тел тоже покрывала шерсть – короткая, гладкая. Только на головах топорщились лохматые гривы, спадающие на плечи. Сами плечи были широки и бугрились мускулами, свидетельствующими о недюжинной силе. В руках «конелюди» сжимали короткие копья с широкими наконечниками и круглые щиты не больше локтя в поперечнике. Причем одно копьё каждый нес в правой руке, изготовившись к бою, а два запасных пристроил в кожаных петлях, закрепленных на внутренней стороне щита.

Откуда ворон мог знать кентавров? Сыновья Великой Степи редко забирались так далеко на север. Только очень большая нужда могла погнать их через земли, заселенные людьми, большинство из которых не скрывало враждебного отношения к нелюдям.

Возглавляли отряд кентавров два воина. Один – вороно-пегий, с проседью в черной бороде. На голове он с достоинством нес орлиное перо, заткнутое за расшитую блестящим бисером ленту. С первого взгляда понятно – вождь. Рядом с ним, отстав не больше чем на пол-локтя, рысил второй конечеловек. Буланный. Ростом пониже предводителя. Скуластый, покрытый плохо зажившими рубцами.

Ворон тяжело подпрыгнул и уже в воздухе расправил крылья. Чутье подсказало ему – соваться к добыче пока рано.

Военный вождь клана Горной Сосны, Сидящий Медведь, занимался тем, что выискивал среди проклятых людей хоть кого-то, сохранившего признаки жизни. Война войной, но он хорошо помнил строгий наказ, полученный от Ведающего Грозу – верховного жреца всех племен дреу, пятьдесят зим подряд избираемого главой Круга Жрецов, приближенного к божествам Вечного Леса. Золотому Вепрю нужны жертвы. Сейчас еще больше, нежели в мирное время. А что может еще больше умиловить верховное божество, чем ненавистные, уродливые, отвратительные люди? Причем желательно живые. Мало проку от бесчувственных трупов, приносимых в жертву.

Около моста, в куче тел, Сидящему Медведю удалось обнаружить слабо постанывающего человека. Молодой парень, не старше двадцати лет, черноволосый и чернобородый, лежал, вцепившись в горло воину из клана Остролиста. На лбу у человека, пониже цветастой головной повязки, виднелась шишка с кулак величиной – кто-то приложился дубинкой или обухом топора. Обе штанины взмокли от крови. Похоже, ему подрезали жилы под коленями. Но других видимых ран на теле не отмечалось. То, что надо! А главное, сбежать не сумеет. Хотя, конечно, от клана Горной Сосны и так не удерешь.

Вождь приказал оттащить в сторону пленника. Осмотрел валяющиеся рядом тела. Широкоплечего мужика с окладистой бородой искололи ножами так, что живого места не осталось. Кровь так пропитала одежду и бригантин, что сомнений не оставалось: умер. Коротко подстриженной женщине тоже досталось изрядно. Самое малое, две смертельные раны: горло и печень. А кроме того, еще полдюжины колотых и рубленых ран.

Дреу, убивавших врагов с таким ожесточением, нетрудно было понять. Вся троица оказалась отчаянное сопротивление. Когда стрелы наконец-то отправили в мир Великой Охоты тупоголового выходца из Гронда,⁵ который непонятно зачем ввязался в чужую для него войну, последние оставшиеся в живых люди – женщина, бородатый мужик и мальчишка

⁵ Гронд – страна на далеком севере, населенная великанами.

с перевязанной головой – пошли сражаться врукопашную. Бились насмерть. И умело. Как ни стыдно признать, но ни один воин, пришедший сюда под началом Сидящего Медведя, не выстоял бы против них в единоборстве. Почти две дюжины сынов Вечного Леса нашли смерть от их рук. Не считая раненых.

Хорошо, что не все люди сражаются так же, как они: отчаянно, умело, зло. Большинство солдат в бою не стоят дороже пригоршни прошлогодней хвои. Они трусливы, заполошны и шага не сделают без приказа своих тугоумных, но самовлюбленных командиров. А переселенцы, копающиеся в земле словно черви, и вовсе ведут себя будто глупые птицы – прячут голову под крыло при опасности. Резать таких легко, но скучно. Добычи много, но славы маловато. А вот о сегодняшнем сражении, пожалуй, можно будет и лет через десять вспоминать у костра...

– К’ансээх! – воскликнул, оборачиваясь, воин по имени Полосатый Кот. Он махал рукой от полуразрушенной сторожки. – Ийэрэн лэм’х! Эн’шо!⁶

Сидящий Медведь, что называется, подпрыгнул на месте.

Железная рука!

Об этом человеке предупреждали жрецы. Неведомо какими путями передают они новости от одного святилища к другому, а потом к отправившимся в набег отрядам, но пару дней назад ему, Сидящему Медведю, а также выступившим вместе с ним в поход военному вождю клана Граба, Толстой Гадюке, и предводителю клана Остролиста, Бегущему Жаворонку, сообщили, что как среди безропотно умирающих беженцев, так и в числе немногих, оказывающих сопротивление, следует искать однорукого человека. Именно он два цикла тому назад святотатственно проник к жертвеннику Золотого Вепря и осквернил статую божества. Руку он потерял, удирая от преследующих его воинов клана Горной Сосны. К сожалению, Сидящий Медведь был тогда еще слишком молод и не допускался к охране святилища. Но этот случай он помнил. Сообщник однорукого уже понес примерное наказание. Какое именно – жрецы не сообщали...

Неужели им повезло?

Повезло вдвойне. Не только поучаствовать в горячем бою, о котором будет не стыдно вспомнить, но еще и угодить самому Ведающему Грозу, а через него и Золотому Вепрю.

Сидящий Медведь подбежал к разрушенной избушке. Там, привалившись спиной к бревнам, сидел седобородый человек в затертом плаще. Полосатый Кот притопывал на месте и показывал вождю кожаную перчатку, которую он, похоже, только что сдернул с руки сидящего. В осенних сумерках тускло отсвечивали железный кулак и запястье, выглядывающие из рукава. Добрая сталь – ни пятнышка ржавчины, несмотря на сырость.

– Тот самый? – волнуясь, спросил Полосатый Кот – воин хороший, но излишне порывистый и нетерпеливый. – Это тот однорукий?

– Посмотрим... – степенно и немногословно, как и подобает вождю, ответил Сидящий Медведь.

Он наклонился над... да, с уверенностью можно сказать, над трупом. Тело не только остыло, но и успело окоченеть. Вон и серьгу из уха кто-то вырвал, разворотив мочку без всякой жалости, а хоть бы капелька крови вытекла. Значит, умер не позднее сегодняшнего утра, а уже дело к вечеру. Дроу вытащил широкий нож, вспорол рукав добротной куртки. Рука стальная, искусно выкованная, до самого плеча. Похоже, тот самый... Остается решить – тащить к Ведающему Грозу все тело целиком или достаточно будет одной лишь железной руки?

– Вождь! – снова подал голос Полосатый Кот. Нужно будет строго с ним поговорить. Не годится отвлекать военного вождя, когда тот занят серьезными размышлениями.

⁶ Вождь! Железная рука! Здесь! (Наречие дроу.)

– Что еще? – нахмурился Сидящий Медведь.

Воин показывал пальцем – тьфу ты, будто мальчишка какой неоперившийся! – на дорогу, по которой к полю боя приближался отряд в полсотни кентавров. Поразительно! Дети Великой Степи здесь, далеко на севере?

Ладно, разберемся потом. Находка Полосатого Кота важнее, чем тысяча кентавров. Пускай с ними Толстая Гадюка разбирается. Вон как вышагивает навстречу! Оленьи рога на голове несет, словно напыщенный людской правитель корону. Наверное, вообразил себя самым главным из военных вождей отряда.

Ничего... Поглядим, чьи заслуги перед Золотым Вепрем окажутся важнее.

Вороно-пегий кентавр направился напрямиком к дроу, чей головной убор украшали оленьи рога. Сразу видно – вождь. Пускай и не слишком высокого полета – обычно перед войной остроухие выбирали несколько военных вождей из числа самых умелых и опытных воинов каждого клана. Они водили своих соплеменников в бой. Выходило удобнее и выгоднее, чем иметь одного-единственного вождя. Клан мог легко разделяться на несколько отрядов, и не возникало вопросов или споров, кому командовать, а кому подчиняться. В случае смерти одного из вождей не тратили драгоценного времени на выборы нового – просто отряд вливался в другие. Конечно, среди военных вождей существовала определенного рода иерархия, но она определялась исключительно заслугами самого дроу. За кем-то с радостью шли пять сотен бойцов, а за кем-то – неполная сотня. Но два-три удачных похода, приносящих добычу и славу, и положение могло измениться. Желających ходить в набеги с удачливым командиром всегда найдется много – хоть отбавляй.

Вожак кентавров оглядел худосочного карлика, чьи торчащие из-под кожаной юбочки шишковатые колени вызывали невольную улыбку, и церемонно склонился перед ним, вытягивая вперед левую переднюю ногу.

– Да укроет листва твои тайные и явные тропы, о сын Вечного Леса!

Дроу прижал ладони к груди, поклонился в пояс. Так горцы приветствовали только наиболее просветленных жрецов.

– Да осияет животворящее солнце твой след в ковыле, о сын Великой Степи!

После остроухий приосанился, поправил сползший на лоб головной убор:

– Я – Толстая Гадюка из клана Граба.

Кентавр пошевелил широкими ноздрями, будто принюхиваясь к витавшему вокруг запаху смерти. Ответил:

– Я – Стоячий Камень из клана Трех Холмов. Волею Солнца, Подателя Жизни, я веду этот отряд.

– Позволь мне поинтересоваться, Стоячий Камень из клана Трех Холмов... – вежливо поговорил дроу, хотя поглядывал довольно подозрительно. Ну, не могут кентавры ни с того ни с сего забраться так далеко на север! – Позволь мне узнать, какой промысел судьбы привел тебя и твоих отважных воинов в эти края?

– Мы служили в имперском войске в северной Тельбии, – прямо в лоб заявил кентавр.

Остроухого перекосило. Он даже не попытался скрыть удивления и возмущения последними словами конечеловека.

– Мы воевали только с людьми, – тряхнул окладистой бородой Стоячий Камень. – Ни один кентавр не поднимет оружие на наших братьев – сынов Вечного Леса. Тем более что с развалом Империи мы сочли службу оконченной. Теперь сасандрийцы сами по себе, а мы – сами по себе.

– Ниспошлет тебе солнце и ветер удачу в бою, – кивнул дроу. – Но Степь так далека от наших гор и лесов...

– Мы не заблудились, – оскалился кентавр, что, по всей видимости, должно было означать улыбку. – Мы ищем одного человека...

– А! Понимаю! – посветлел лицом Толстая Гадюка. – Вы хотите отомстить!

– Нет, – покачал головой кентавр. – Выслушай, о вождь, моего побратима...

Вперед вышел буланный кентавр. Более коренастый, чем Стоячий Камень, но ниже предводителя в холке на добрую ладонь.

– Я – Желтый Гром из клана Быстрой Реки, – представился он. – Я желаю Вечному Лесу расти и тянуться к Солнцу. У меня есть долг чести перед одним человеком. Его зовут Антоло. Он из местечка Да-Вилья, что в Табале...

– Долг чести? Перед человеком? – выпучил и без того круглые глаза карлик. Потом сообразил, что недостойно вождю перебивать собеседника, тем более кентавра, представителя расы, с которой дроу связывает дружба и взаимное расположение вот уже больше тысячи лет. Толстая Гадюка вновь поклонился, едва не уронив рога. – Прошу простить мою порывистость... Продолжай, брат мой!

– Я – воин, а не шаман. Я не умею говорить красиво... Но Антоло из Да-Вильи знает, что такое честь. Много дней мы делили с ним скудную пищу, защищали спины друг друга. Когда мы расставались, я подарил ему амулет, сплетенный из моей гривы. С тех пор я мог чувствовать, если мой друг в беде.

– Он мчался бы галопом, – подтвердил пегий. – Да мы мешали. Не годится загнать себя даже ради дружбы. – Помолчал и возразил сам себе: – Да нет! Пожалуй, дружба и честь – единственное, ради чего можно дать себя загнать. Продолжай, Желтый Гром.

– Мы успели вовремя, – просто сказал буланный. – Антоло где-то здесь. Я чувствую.

– Здесь погибло много людей, – заметил Толстая Гадюка, глядя мимо кентавров. Что там возится с трупом червеобразного Сидящий Медведь?

– Антоло еще жив, – упрямо мотнул головой кентавр. И твердо повторил: – Я чувствую.

– Все выжившие люди должны быть принесены в жертву Золотому Вепрю. Это священный обычай. – Карлик даже на цыпочки привстал. «Что же такого он нашел? Неужели снова удача улыбнулась клану Горной Сосны? Или есть еще возможность разделить успех пополам? Бегущего Жаворонка проткнул арбалетный болт – он уже охотится с предками...»

– Я уважаю обычаи сынов Вечного Леса, – негромко, но веско проговорил Стоячий Камень. – Но и ты, вождь, должен понимать, что для степного воина долг чести превыше всего под Солнцем.

Стоявшие до сих пор неподвижно кентавры одновременно ударили наконечникам копий о щиты и выкрикнули:

– Честь нашего брата – наша честь!

Их ноздри раздувались, глаза горели. По всему выходило, для поддержания чести Желтого Грома они готовы на все. Конечно, в драку с остроухими не полезут – память о старинной дружбе слишком прочно въелась в плоть и кровь, но подхватить бездыханное тело человечешки и попытаться удрать... Это запросто. И тут перед военными вождями дроу возникнет новая задача – утыкать нарушителей жреческого приказа стрелами и сломать тысячелетнюю приязнь или отпустить их подобру-поздорову, но получить взбучку от Ведающего Грозу. А что бы решили сами жрецы? Мудрые, рассудительные, проживающие по пять-шесть веков простого воина...

– Где твой человек, сын Великой Степи? – нетерпеливо бросил дроу.

– Вот он, – Желтый Гром указал толстым коротким пальцем.

Окровавленное тело лежало всего лишь в трех шагах от места их беседы. Светловолосый парень, пробитый тремя стрелами, уткнулся носом в грязь. Все три в туловище. Левый бок, спина чуть повыше лопаток, поясница. Наверняка какая-то из ран смертельна. А живет

он лишь в силу молодости и крепкого здоровья – ишь, какой широкоплечий. Рядом с парнем валялся оброненный арбалет и «козья нога», меч он так и не успел вытащить...

«Да у него и нет меча! – удивился Толстая Гадюка. – А! Вон тянется кожаный ремешок от запястья к шестоперу. Увесистое оружие. Не у всякого сил хватит махать. И этому... как его... Антоло, тоже уже не сражаться. До святилища Золотого Вепря мы его не дотащим... Что же там Сидящий Медведь так радуется? И Полосатый Кот только что не визжит от радости...»

Дроу обошел тело Антоло вокруг, несильно (не приведи Солнце, кентавры сочтут жест оскорбительным!) пнул его ногой. Человек не пошевелился, не застонал.

Решение пришло мгновенно.

– Я не могу нарушить приказа жрецов, ибо потеряю тогда честь воина перед лицом не только своего клана, но и всех кланов Вечного леса, – рассудительно проговорил Толстая Гадюка. Стоячий Камень нахмурился. Желтый Гром переступил с ноги на ногу. – Но в память о нашей многовековой дружбе, о сыны Великой Степи, я могу отдать вам это мертвое тело...

Буланый кентавр хотел возразить, но пегий предводитель, догадавшийся уже, в чем дело, жестом остановил его.

– Я могу отдать вам мертвое тело, чтобы вы похоронили его со всеми почестями, которые сочтете нужными, – закончил остроухий. – Эти люди бились неплохо. Отважный враг достоин хотя бы малости уважения.

Стоячий Камень поклонился:

– Это мудрое решение, о вождь. Я благодарен тебе. И все мои братья благодарны... – Конелюди вновь застучали копьями о щиты. – Мы забираем тело Антоло из Давильи. Да свершится приговор судьбы.

Толстая Гадюка едва смог дожждаться, пока Желтый Гром, не вынимая стрел, поднимет человека на руки, пока пегий еще раз витиевато и многословно поблагодарит, пока отряд кентавров, развернувшись по широкому кругу, прорысит, салютуя копьями, и хвост самого последнего не скроется в осенних сумерках. А потом вождь клана Граба бегом помчался посмотреть на находку Сидящего Медведя.

Кирсьен пришел в себя от тряски.

Раскалывалась от боли голова. Ноги же, напротив, не ощущались вовсе, будто их и не было. Мучительно хотелось пить...

Тьялец попытался открыть глаза. Его старания увенчались успехом лишь со второго или третьего раза.

Серое, затянутое тучами небо. Длинноиглые лапы елей слегка раскачиваются. Или это раскачивается он?

Редкие, холодные дождинки секли по щекам. Одна упала на ресницы, задержалась на мгновение и скатилась к уголку глаза.

Вода...

Молодой человек раскрыл рот, подставляя дождю пересохшие, потрескавшиеся губы, неповоротливый, словно чужой, язык.

Как же редко падают эти капли...

Только дразнятся.

А так хочется припасть губами к роднику и пить, пить, пить... А еще лучше нырнуть туда с головой.

Кир попытался оглядеться, но не сумел повернуть голову от слабости. А перед глазами медленно плыли низкие дождевые тучи. Ноздреватые и бугристые, будто непротаявшие, укрывшиеся в тени сугробы.

Тогда парень прислушался.

Поскрипывание колес, фыркание лошадей.

Значит, везут на телеге.

Куда? Зачем?

Он содрогнулся, вспомнив горячий яростный накал последнего боя.

Рухнувшего ничком Почечуя – ворчливого, сварливого, но справедливого и по-своему доброго старика-коморника. Его грубоватые шуточки и постоянное переругивание с Пустельгой ушли в прошлое навсегда.

Почти без плеска свалившегося в быстрые мутные воды Белого. Единственный дроу на службе Империи, которого бывший гвардеец знал. Он так и остался загадкой, и ее уже не разрешить. Кто он, какого рода? Почему ушел от своих? Почему искал смерти, когда его повстречали Кулак и Мудрец?

Великана Тер-Ахара, утыканного стрелами, словно гигантский еж, но в последнем предсмертном усилии налегающего на подведенную под мост жердь. Жаль, конечно, что их замысел не удался. Обрушить мост не получилось, и теперь выходит, что между кровожадными остроухими и потоком стремящихся на юг беженцев больше никто не стоит...

Пробитого тремя стрелами Антоло. Все-таки в этом бою студент показал себя молодцом. Заряжал арбалеты, не растерялся даже в самый трудный миг, когда остроухие поперли на прорыв. Да примет Триединый его душу... Хотя они и ненавидели друг дружку при жизни, а все же смерть равняет людей, заставляет забывать мелочные обиды и надуманные споры.

Кир снова попытался пошевелиться. Не смог...

А перед глазами всплыла накатывающая волна карликов, Пустельга, запускающая веер орионов с ладони, а потом бросающаяся одна навстречу толпе врагов с мечом в руке. А после того, как он сам очутился в гуще боя, воспоминания стали отрывочны, как мозаика, как роспись потолка храма, повествующая о жизни и деяниях Триединого и его сподвижников.

Оскалившиеся лица... Да разве это можно назвать лицами? Звериные морды дроу. Раскрашенные безобразными пятнами и узорами. Визг, ор, хрип раненых. Мельтешение топориков, дубинок, тесаков, ножей. Там не нашлось места благородному искусству фехтования. Он рубил, колол, бил в распыленные криком рты крестовиной меча, дрался кулаками и коленями. Уже когда повалилась облепленная карликами Пустельга, когда рухнул, накрытый врагами, словно капелька меда муравьями, Лопата, он, тьяльский дворянин т'Кирсьен делла Тарн, боролся на земле, истекая кровью, с подрезанным коленом, не считая мелких ран. Одного зарезал, второму сломал руку, третьему, кажется, выдавил глаза, последнего долго душил, прикрываясь уже безжизненным телом от ударов остальных.

А потом кто-то попал ему в лоб топором. К счастью, не лезвием, а обухом, но голова все равно трещит, будто расколота. С мыслью об этом парень вновь провалился в небытие.

Второй раз Кир пришел в себя уже в глубоких сумерках. Теперь его внимание привлек слабый жалобный стон, доносящийся откуда-то из-за головы. Надо бы обернуться и посмотреть, но бывший гвардеец по-прежнему чувствовал себя обессиленным.

Может быть, на привале удастся?

Ведь должен же быть привал! Ни одна лошадь не способна тянуть телегу круглые сутки подряд.

Кир прислушался – не подаст ли кто команду привала.

Нет. Все то же поскрипывание осей, тяжелое «топанье» копыт в раскисшую глину. И еще неуловимо знакомый звук. На что же это похоже? Прачки бьют вальками по белью? Откуда они здесь? И тем не менее... Тяжелые, «влажные» шлепки. Будто великаны дают друг другу пощечины...

И тут его осенило.

Топот босых ног по земле...

Словно пощечины.

Пощечины, пощечины, пощечины...

Широкие ступни глумились над землей, которую люди пытались, но не могли отстоять.

Дроу?

Парень рванулся, силясь подняться.

Неужели он в плену у остроухих?!

Его порыва едва хватило на то, чтобы зацепиться кончиками пальцев за бортик телеги.

Внезапная боль в ногах (хвала Триединому, раз болят, значит есть!) заставила тело выгнуться дугой, бросила обратно на влажную солому.

Тут же кто-то схватил его за плечо, в ухе зашелестел быстрый, сбивающийся шепот:

– Лежи, лежи, гвардеец... Не двигайся...

Чей это голос?

Кажется знакомым, но вроде бы ни на кого из наемников не похож...

Где он мог его слышать и запомнить?

– Лежи смирно...

Телегу ощутимо качнуло, и на фоне темного неба возникли неясные очертания головы со вздыбленными жесткими волосами, лупатые глаза с вертикальными зрачками глянули в упор.

– Мин'т'эр! Эешт'! Г'аар'та!⁷

У щеки что-то свистнуло, обдавая ветерком. Может быть, конечно, тесак, а может быть, и просто ладонь.

Из всей фразы Кир понял только первое слово. И то потому лишь, что слышал его от дроу перед началом боя у моста.

– Ха лаб'хэйр! Ха т'ейтц! Б'хейт маэр!⁸

Не дождавшись ответа, остроухий спрыгнул с телеги.

Вновь босые широкие ступни зашлепали по земле.

Шлеп, шлеп, шлеп...

Под эти звуки Кир закрыл глаза. Разум отказывался осознавать происходящее. Он в плену у дроу. Они везут его куда-то. Причем не только его. Здесь, на повозке, самое меньшее, трое раненых людей.

Кто они?

Неужели кто-то из банды⁹ Кулака выжил?

Тогда остается надежда. Ничего, остроухие демоны, орите, пугайте, угрожайте сколько вашей душе угодно (если она у вас есть, конечно). Мы еще поборемся.

Молодой человек вздохнул умиротворенно и, несмотря на бедственное положение, уснул.

Острая боль в ногах вызвала невольный стон.

Кир охнул, открыл глаза.

Четверо дроу бесцеремонно вцепились в него, стягивая с телеги, словно мешок с ненужным хламом. Двое за руки, двое за ноги. Тягалец зашипел сквозь зубы. Браниться или просить снисхождения он счел постыдным.

⁷ Люди! Молчать! Зарежу! (*Наречие дроу.*)

⁸ Не говорить! Не двигаться! Будешь жить! (*Наречие дроу.*)

⁹ Банда – отряд наемников численностью до ста человек.

Остроухие подтащили парня к небольшому костерку, чьи пляшущие огоньки укрывались от мороси навесом из еловых веток, швырнули на грязную землю. Рядом уже корчился, поскуливая, человек в драной рубаше.

Кто?

Кир повернул голову набок, пытаясь в слабом отсвете костра различить черты лица, а когда узнал раненого, едва не взвыл от разочарования и злости.

Вензольо!

Картавый каматиец из числа отданных в солдаты студентов. Мудрец выловил его из Ивицы во время штурма Медрена.¹⁰ Зачем, спрашивается? По мнению Кира, трусоватому южанину лучше было бы утонуть. Так ведь нет... Мудрец выловил, Антоло распознал старого знакомого – они дружили еще во время учебы в Аксамалианском университете, хотя в последнее время не выказывали друг к другу особой приязни, а Кулак разрешил остаться в отряде. Видите ли, уж очень хотел Вензольо стать наемником. Ну прямо с детства мечтал!

Да как бы не так!

Он просто думал, что наемники как сыр в масле катаются. Привольное житье: хотят – нанимаются, не хотят – не нанимаются; денег куры не клюют. А ко всему прочему еще добыча – доля от награбленного.

Ничего подобного в погоне за бароном Фальмом Вензольо не получил, да и не мог получить. Только голод, холод, дождь за шиворот и отбитую о седло задницу, а в конце концов – сражение не на жизнь, а на смерть, на победу в котором никто из отряда Кулака не рассчитывал.

В последнем бою каматиец проявил себя не с лучшей стороны, в общем подтверждая собственную репутацию. Получив легкую рану в ляжку, пытался удрать, но стрелы дроу оказались проворнее. Насколько Кир помнил, Вензольо ранен в руку и ногу. Так что причин для стонов и завываний тьялец не видел. Мужчина должен терпеть боль. А в особенности перед лицом таких непримиримых ненавистников человеческой расы, как остроухие...

Тем временем дроу подтащили третьего пленника. Уронили его без всякой жалости на землю, снова нырнули в темноту.

Выходит, выжило больше трех человек?

А кто этот?

Слипшаяся от грязи и крови борода, затертый, застиранный гугель,¹¹ на левой щеке – родинка. Да это же один из следопытов, прибившихся к отряду наемников у переправы. Помнится, их вожак... Шпень, кажется... называл Кулака Одноруким и радовался как ребенок, что кондотьер вернулся на север. Мужики с радостью пожертвовали собой, прикрывая отход беженцев, хотя их никто не уговаривал. Сами остались. Сами подставились под стрелы дроу, хотя каждый уволок с собой на тот свет не меньше дюжины врагов.

Однако Кир ясно помнил, что следопыт с родинкой получил стрелу в живот. Редкого здоровья человек способен выжить после такого ранения...

Пока тьялец предавался воспоминаниям, карлики приволокли четвертого пленного.

И опять затеплившаяся было надежда погасла, как уголек под проливным дождем. Он вновь обманулся, ожидая увидеть кого-либо из людей, с кем подружился за время кампании в северной Тельбии и на пути к горам Тумана. Само собой разумеется, хотелось видеть рядом с собой опытного и надежного бойца, на чей совет можно положиться, опыту которого стоит доверять, кто прикроет спину и поддержит в трудный час соленой, но веселой шуткой.

Нет, судьбе угодно было распорядиться иначе.

¹⁰ Эти и другие события описаны в книге «Золотой вебрь».

¹¹ Гугель – капюшон, переходящий в воротник на плечах, деталь мужского костюма.

Четвертым раненым, которого дроу приволокли к костру, оказался лейтенант Жоррес дель Прано, четвертый пехотный полк одиннадцатой армии Сасандры. Адъютант генерала Андруччо делла Робберо, с равной бездарностью положившего как свою армию в предгорьях, так и ее жалкие остатки у моста.

Кир понял, что остался один. Надеяться на чью-либо помощь не приходилось.

Он вдруг ощутил себя маленьким и слабым.

Что он сможет сделать в одиночку, с покалеченными ногами, против целой орды остроухих, которыми (он не сомневался) кишат окрестные земли?

Сколько ему осталось до жертвенного алтаря?

Молодой человек вспомнил рассказы Белого о том, как дроу обычно приносят в жертву своему божеству, Золотому Вепрю, захваченных на поле боя пленных. Причем задача эта возлагается жрецами на воинов клана Горной Сосны. А ведь именно им противостояли наемники у моста. Значит, цели карликов ясны. Жаль, так и не удалось выяснить способ жертвоприношения, принятый у дроу. Хотелось бы чего-нибудь легкого и безболезненного, но Кир уже почти смирился с гадостями, которые время от времени подбрасывает ему судьба, и не сомневался, что из всех имеющихся у них в арсенале способов умерщвления остроухие выберут самый отвратительный.

Эх, лежали бы сейчас с ним рядом Пустельга и Кольцо! Или, на худой конец, Почечуй и Антоло – можно было бы попытаться наброситься на охрану. Хотя бы умереть по-мужски – с оружием в руках. А тут, как назло...

– Гвардеец... – расслышал он хриплый, едва слышный шепот. – Гвардеец...

Кирсьен повернул голову на звук.

Лейтенант дель Прано смотрел на него ясными глазами, в которых парень прочитал холодную решимость и отчаянную смелость.

– Чего тебе? – все-таки не сумев преодолеть неприязни, буркнул он в ответ.

– Ты держишься молодцом... – сказал адъютант.

– Твоими молитвами, – начал закипать Кир.

– Говори тише. С них станется кляпы нам засунуть...

– Зачем мне вообще с тобой говорить? – Тялец пожал бы плечами, но не сумел бы сейчас пошевелить и пальцем.

– А с кем мне говорить? – округлил глаза дель Прано. – Каматиец скулит и плачет весь день напролет. Бородач, похоже, скоро умрет. Или карлики дорежут. Слишком тяжело ранен.

– И что с того?

– Чтобы спастись, мы должны держаться друг друга, – быстро проговорил лейтенант и отвернулся, уставившись в небо.

К ним неслышными шагами подошел дроу. В руках его Кир разглядел корявую миску.

Кормить их, что ли, надумали?

С другой стороны, правильно – вряд ли Золотому Вепрю понравятся заморенные, умирающие от голода и жажды жертвы.

«Давайте, кормите, – подумал молодой человек. – Можете еще и полечить. А вот когда я смогу дотянуться до глотки ближайшего из вас и, главное, буду уверен, что сломаю эту глотку, тогда мы посмотрим еще кто кого! Ваших жрецов, остроухие, ожидают большие неприятности...»

Волей-неволей слова лейтенанта дель Прано вдохнули в Кира надежду. Кажется, он неплохой парень. Излишне самоуверенный, как, впрочем, все сыновья богатеньких отцов. Но ведь не стал же отсиживаться в Аксамале, а отправился в действующую армию, да еще куда – на правобережье Гралианы! Даже в Тельбии, где шла открытая война, не было так опасно. Уж лучше такой товарищ, чем никакого.

Кир хотел повернуться к дель Прано и подать ему какой-нибудь знак, что предложение дружбы принято, но подошедший дроу оказался не поваром, а лекарем. Поставив миску на землю, он рванул заскорузлые тряпки, обмотанные вокруг ног молодого человека. Чтобы не взвыть от боли, тьялец до хруста сжал зубы и впился пальцами в сырой дерн.

Глава 3

Широко шагая по дороге, усыпанной палой листвой, Емсиль подставил правую щеку солнцу, наслаждаясь, быть может, последним в эту осень погожим деньком.

Парень опирался на тяжелую дубину, которую выломал себе из ствола молодого ореха, сам очистил от коры и обстрогал ножом неровности. Это оружие ему было привычнее, чем меч, копье или арбалет. В Барне каждый мужчина просто обязан уметь сражаться на посохах – состязания проводятся и на День Весны, и на праздник Последнего Снопа, и на Солнцестояние, припадающее на летний месяц Быка. Победители пользуются всеобщим почетом и уважением. И небезосновательно. Ведь хороший мастер посоха на равных сражается с тяжелооруженным латником. Хотя Емсиль покинул родину еще юношей – в семнадцать лет барнцам не разрешают даже пива пригубить, а за танцульками они могут наблюдать лишь из-за пределов вытоптанного круга, – худо-бедно управляться с посохом он умел. Что не преминул доказать Дыкалу, довольно жестоко обсмеявшему «деревенское», по его словам, оружие. Емсиль трижды подряд обезоружил опытного, сточившего половину зубов на воинской службе сержанта. А после того, как барнец, не дожидаясь подмоги, разогнал дюжину оголодалых дезертиров, вздумавших на водопое отнять у него коней, подобные разговорчики и вовсе прекратились.

Парень шел по солнечной стороне дороги, стараясь не заглядывать мысленно в отдаленное будущее. Нужно уметь наслаждаться тем, что имеешь в руках. Ведь в самом-то деле, глупо отказываться от простой похлебки, мечтая о копченом окороке, когда до ближайшего торжища не одна сотня миль по чащобам и буеракам, а варево – вот оно, в котелке. Солнышко светит? Отлично! Дождь прекратился, и за пять дней дорога успела «протряхнуть», как говорит Батя? Замечательно! Вогля и Пигля перекололи поленицу дров у зажиточного хуторянина, получив за это здоровенную ковригу с ломтем сала? Вообще чудесно! Живи и радуйся жизни.

Кстати, Вогля и Пигля – братья-близнецы, дезертировавшие из третьего полка пятой пехотной армии Сасандры, – сейчас, беззаботно болтая, далеко опередили телегу. Дыкал несколько раз прикрикивал на них, требуя соблюдать тишину и осторожность. Все-таки дороги Тельбии не становятся безопаснее по мере приближения к Арамелле, а путников слишком мало, чтобы противостоять большому отряду дезертиров или шайке местных повстанцев. Парни вроде бы и послушались, стали говорить потише, а все равно сержанты, ведущие неторопливую, обстоятельную беседу на передке телеги, недовольно морщились. Да, собственно, и Емсиль, как уроженец лесистого Барна, не мог не признать: следует быть более осмотрительными. Это только горожанин или вельзийский крестьянин, привычный к редким рошицам среди бескрайних полей, может вести себя так беспечно в лесу. Им кажется: ну что тут такого? Деревья заглушат любой звук. Обманчивое заблуждение. Лес любит тишину. И посторонние звуки слышны здесь гораздо дальше, нежели в степи или, скажем, в большом городе. А опытный наблюдатель узнает о приближении постороннего еще и по смолкшему щебетанию птиц, по взлетевшим галкам или ореховкам, по тревожному крику сороки.

Потому Емсиль и вознамерился догнать балаболок и хорошенько отчитать их. А если возникнет необходимость, то и слегка по шее приложиться. Уже несколько раз приходилось. Близнецы порой вели себя как мальчишки. Начав балагурить и подначивать друг друга, останавливаться сами не могли. Тогда кто-либо из сержантов, а то и Емсиль успокаивали их. Иногда слов оказывалось достаточно, а когда приходилось и к силе прибегнуть. Давать отпор они не пытались. Ну, ребята! Что с них возьмешь? Пожилых солдат уважали по привычке, укоренившейся за несколько месяцев армейской службы: нашивки сержанта – святое, попробуй

только не подчиниться. А Емсиля Триединый силушкой не обидел, если бы хотел, мог бы подковы в ладони ломать. Поэтому он на правах старшего товарища тоже принялся приструнять озорников. И, по мнению Дыкала, довольно успешно. Вообще ветеран несколько раз заявлял, что из барнца, если тот вздумает продолжить солдатскую службу, может получиться очень хороший, прямо-таки замечательный сержант.

Но Емсиль становиться военным не хотел. И раньше не хотел, и теперь.

Он мечтал стать лекарем. Даже если для этого придется сменить имя или поступать в другой университет, ведь, скорее всего, в Аксамалу путь ему теперь заказан. Ничего, в Браиле, говорят, тоже дают неплохое образование медикам. Сравнимое, во всяком случае, со столичным.

Капитан т'Жозмо дель Куэта, ранее командовавший ротой, где служили Емсиль и Дыкал, недавно подтвердил – лекарский талант барнца от Триединого. Офицер до сих пор лежал на куче сена, укрытый по самое горло потрепанным солдатским плащом. Его, тяжело раненного – два болта в живот и стрела повыше печени, – вытащили на руках после штурма Медрена и везли на родину, в Вельзу.

Емсиль как мог лечил командира: промывал раны, менял повязки, поил настойками из трав, способствующих заживлению и укрепляющих силы. А совсем недавно, десяти дней не прошло, решился вскрыть одну из ран. Ту, которая от стрелы. Она никак не хотела затягиваться, гноилась, дурно пахла. Кожа вокруг набрякала багровым, блестела, наливалась, словно опухоль. И никакие примочки не помогали.

Бывший студент долго собирался с духом. Вспоминал книги с картинками, виденные в университете мельком, без пояснений педагогов, – на медицинский факультет он так и не успел поступить, ознаменовав окончание подготовительного¹² дракой в борделе, которая закончилась сперва тюрьмой, а потом армией. Потом тщательно готовился: наточил нож до бритвенной остроты, нащипал из тряпок корпии, вскипятил в котелке пригоршню смолистых еловых шишек, чтобы вымыть гной. Потом помолился Триединому и приступил. Вскрыл рану, обнаружил осколок ребра. Вернее, несколько осколков и вдобавок начавшее уже чернеть мясо. Емсиль тщательно срезал подгнившую плоть, удалил осколки, долго промывал разверстую, как пасть неведомого чудовища, рану.

Лишь после этого у капитана дель Куэты уменьшился, а вскоре и совершенно спал жар. Он начал помногу спать, хотя оставался еще слабым. Ради того, чтобы подарить капитану немного покоя, повозка шла медленно. Батя старался выбирать дорогу поровнее, чтобы не растряссти выздоравливающего. Убедившись, что его подопечный спит, Емсиль прибавил шаг и вскоре нагнал Пиглю и Воглю.

Более худой лицом и вертлявый Вогля уже примеривался дать пинка под зад своему братцу, который прикрывался руками и то ли похрюкивал, то ли повизгивал от смеха.

Лучше этой кривляющейся парочки заявить о продвигающейся по проселку телеге мог только отряд барабанщиков или полдюжины опытных, умелых трубачей.

Емсиль на ходу негромко окликнул парней, перебрасывая посох в левую руку, а правую сжимая в кулак. Угроза возымела действие. Вогля выкатил глаза и зажал ладонями рот, а Пигля скорчил страшную рожу и прикрыл руками теперь уже не задницу, а затылок.

Ну, по крайней мере, оба замолчали.

Сзади одобрительно кашлянул Дыкал.

Теперь над дорогой и сжавшим ее с двух сторон грабняком воцарилась тишина. Наверняка недолгая – насколько хватит терпения у молодых оболтусов? О чем думал вербов-

¹² Подготовительный факультет (семь свободных искусств) состоит из двух уровней подготовки. На первом уровне изучают грамматику, риторику и логику. На втором – музыку, арифметику, геометрию (с основами географии) и астрономию (астрологию).

щик, нанявший их на армейскую службу? Сколько розог обломали о них сержанты третьего полка? И ведь ничему так и не научили!

Тихонько пригрозив близнецам, что вывернет их наизнанку, если шалости возобновятся, Емсиль скорым шагом далеко опередил повозку.

Как же хорошо шагать, не слыша криков, шума, возни! Птицы уже не поют, даже те, что не улетели на юг, но лес живет своей жизнью. Поскрипывают ветви под внезапным порывом ветра. Трепещет желтовато-бурая с примесью оттенков багрового листва, уцелевшая под напором осени. Время от времени лист срывается и медленно слетает на землю.

Шорохи, поскрипывания, едва слышный посвист ветра в обнажившихся кронах создавали ни с чем не сравнимую лесную тишину. Которая вроде бы и не тишина вовсе, но и вместе с тем тишина. Любой посторонний звук выделяется из нее, словно уроженец Гронда на улицах Аксамалы. Вот как, например, эти далекие вскрики.

Что?

Вскрики? В лесу?

Емсиль покрепче перехватил посох и, застыв на месте, прислушался.

Да. Сомнений быть не могло. Исполненные страдания женские крики доносились откуда-то справа от дороги. Барнец окинул взглядом обочину: довольно пологий склон холма, но телеге не проехать – слишком близко сошлись толстые, бугристые стволы грабов.

– Что встал? Мамку вспомнил? – развязно спросил поравнявшийся с ним Вогля.

– Тише! – Емсиль сверкнул на него глазами. – Послушай лучше! А ты, – коротко бросил он Пиглю, – бегом назад! Сержантов предупреди!

– Чего предупреждать-то? – недоуменно вскинул брови парень, но тут крик повторился. Лицо вельзийца вытянулось, и он без лишних слов трусцой побежал по своим следам обратно.

– Кто бы это? – подозрительно побелевшими губами проговорил Вогля.

Емсиль пожал плечами.

«Откуда же мне знать? – подумал он. – Но вот тому, кто заставляет женщину так кричать, я бы голову открутил. Это точно...»

Продолжая прислушиваться, он осторожно шел вдоль обочины дороги. Пальцы сжимали дубину так, словно вот прямо сейчас кто-то выскочит из подлеска и набросится на них с Воглей.

Торопливо приблизились Батя и Дыкал. Оба серьезные, сосредоточенные, на поясе у каждого меч, в руках – арбалет.

– Сорванца я телегу сторожить оставил, – непонятно зачем пояснил Емсилю Батя. – От меня и однорукого проку больше. – Он пошевелил левым плечом. Его рука, хотя и зажала вроде бы, все еще плохо слушалась и могла подвести в самый неподходящий миг. Например, когда нужно котелок с огня снять. Один раз они уже лишились и похлебки и костра одновременно. – Что тут у тебя?

– Кричат в лесу... – пояснил барнец. – Нехорошо кричат.

– Кто кричит? Ты... дык... толком говори, – требовательно произнес Дыкал.

– Кажется, женщина... – развел руками Емсиль.

– Или девка, – добавил Вогля.

– Ага! – кивнул Батя. – Из леса доносились девичьи крики, медленно переходившие в женские...

Оценить шутку по заслугам они не успели.

Страдающий крик вновь прокатился по лесу. Задрожал, отражаясь от деревьев. Емсиль готов был поклясться, что звучит он приглушенно, сдавленно.

– О! Опять! – поежился Вогля. – Что делать-то будем?

– Слышь, мужики, может, и этого до телеги отослать? – нахмурился Батя. – Пользы с него, как с козла...

– Нет! – решительно перебил его Дыкал. – Нельзя. Вдвоем они такого начудят... А тут... дык... под присмотром.

– Тогда сзади будь, – брезгливо скривился пожилой сержант в сторону Вогли. – И за железо не хватайся. Порежешься... Пошли, что ли?

– Мы в лес пойдем? – пискнул Вогля, перемещаясь за спины старших спутников.

– Нет, на речку, – ответил Батя.

– Спасать? – не унимался парень.

– Нет, по ягоды! Да замолчи же ты! – не выдержав, рыкнул на него сержант.

Они медленно зашагали по дороге. Как-то само собой вышло, что первым оказался Емсиль с посохом наперевес. Сержанты, держа арбалеты на изготовку, отставали от него на пару шагов. «Оно и к лучшему, – думал барнец. – Прикроют в случае чего». Замыкал шествие Вогля. Он ежился, озирался по сторонам и без надобности сжимал рукоять короткого пехотного меча, висевшего на поясе.

Пока они шли, крики повторились трижды. Каждый раз громче. Значит, отметил про себя Емсиль, идут они в правильном направлении. Он все прикидывал: придется ли драться? И к стыду своему, осознавал, что почти мечтает о хорошей потасовке. Раньше за спокойным и уравновешенным барнцем такого не водилось. Недаром он сказал наемнику, который уговаривал его бросить армию и записаться к ним в банду, что хочет лечить людей, а не калечить. Но сейчас... Нет, нельзя такое творить. Тем более с женщиной. Даже если она в самом деле в чем-то виновна.

Шагов через сто барнец заметил примятую траву на правой обочине. Две полоски. Явно от колес. Он глянул на ветви деревьев, нависшие в этом месте над краем дороги, и увидел то, что ожидал. Свежесодранную кору и несколько обломанных веточек.

Под одобрительным взглядом сержантов он быстро осмотрел пожухлую траву. Отпечатков ног не было, но дерн между следами колес взрыт нековаными копытами. Меньше лошадиных. Возможно, ослы или мулы.

– Идем? – одними губами спросил он.

– Дык... Чего ждать?

Емсиль кивнул и нырнул под лесной полог.

Почему-то барнец удивился, когда в конце протянувшейся на полсотни шагов тропки перед ним открылась небольшая, довольно уютная полянка. Воображение рисовало мрачное ущелье, бурелом, искореженные стволы деревьев, вытянувших сучья, словно загребушие руки с растопыренными пальцами. А тут – ровные грабы, отшагнувшие за кромку поросли и пожухлых, но все еще нарядных стеблей белокопытника, поседелых, как благообразные деревенские старички и старушки.

У дальней опушки паслись стреноженные лошадки... Нет, все-таки мулы. Полдюжины, разных мастей. Емсилью запомнился чубарый, скалящий длинные желтые зубы. Неподалеку от животных стояла повозка: трехосная, закрытая, наподобие карруки,¹³ со слабонаклонной двускатной крышей. Больше всего похожая на маленький домик на колесах. Колеса, борта, козлы, даже крыша раскрашена в кричащие цвета – алый, ядовито-зеленый, бирюзовый, желтый, как середка у ромашки. Правда, местами краска облупилась от непогоды и требовала подновления. Зато на стене тянулась надпись. От двери с глазком в виде сердечка до задернутого пестрой занавесочкой окна.

«Запретные сладости».

¹³ Каррука – большая четырехколесная повозка, на которой граждане Сасандры могли ездить из города в город.

Передвижной бордель, что ли?

Но взгляд Емсиля задержался на повозке лишь короткое мгновение, переносясь к разлапистому грабу в полутора плетрах¹⁴ от него.

На его длинной нижней, вытянутой над землей ветви висели, дерзко белея на фоне темного леса, два женских тела. Конечно же, женских... Хотя барнец мог видеть лишь спины, очертания (довольно соблазнительные, следует заметить) не допускали двоякого толкования. У одной рассыпались по плечам светло-русые волосы, а у другой – черные, как вороново крыло, кудряшки. Женщины едва касались травы пальцами ног – запястья их обвивала толстая веревка и, переброшенная через ветку, удерживала жертв почти на весу. Рядом с ними стоял, крепко упираясь подошвами добротных сапог в землю, розовощекий и широкоплечий парень лет семнадцати, если судить по мягкому пушку на щеках и наивному взгляду. О таких говорят – кровь с молоком. И впрямь, здоровьем так и пышет. Налитые силушкой плечи распирают простую курточку из дешевого сукна. Хотя парень и уступал Емсилу ростом, барнец, тоже не обиженный силой, невольно позавидовал его мощи. Хотя в плуг запрягай. В правой руке здоровяк держал широкий кожаный ремень, обмотав вокруг ладони один его конец. Для чего? Красные полосы, перечеркивающие спины и ягодицы подвешенных женщин, не оставляли сомнений в происходящем.

Чуть впереди и левее прохаживался, время от времени почесывая в паху, невысокий, низколобий мужик с перебитым носом. Над бровью его зрел крупный багровый чирей, и такой же точно, только недозрелый, алый и блестящий, пробивался под нижней губой. Черные волосы сальными космами свисали на бригантин, сияющий начищенными бляхами.

– А ну-ка, всыпь им еще, Тюха! – сиплым голосом произнес чернявый. При этом в его рту неприятно мелькнул темный провал на месте верхних резцов.

Голубоглазый розовощекий паренек занес руку с ремнем.

Емсиль больше не медлил. Сжав посох покрепче, он направился напрямик к грабу, где вершилась казнь.

– Э! Я не понял, борода! Ты чего? – возмутился щербатый, бросаясь наперерез. В его пальцах, словно по волшебству, появился длинный корд.

Барнец прикинул: успеет ли перебить запястье или хотя бы вышибить оружие у неожиданного противника? Чернявый двигался легко, вихляясь телом из стороны в сторону, корд мелькал в его пальцах, устремляясь острием то вверх, то вниз. Сразу видно мастера уличных драк. Среди забияк-студентов в Аксамалианском университете изредка такие попадались. Например, Летгольм, погибший в тот злополучный вечер в «Розе Аксамалы», хоть выглядел изнеженным и женоподобным, но с граненым клинком корда вытворял чудеса. Крутил и правой, и левой рукой. Мог уколоть врага из такого положения, что тот и не помыслил бы ждать атаки.

– Смерти ищешь, борода? – с отчетливым вельзийским выговором сказал чернявый. – Так я тебя сейчас распишу. Эт-точно!

Позади щелкнул арбалет. Щербатый охнул и схватился за плечо. Согнулся, прожигая озлобленным взглядом из-под черных бровей. Емсиль, не останавливаясь, оттолкнул его локтем. За десяток шагов поравнялся с оторопевшим здоровяком. Тюха так и застыл с поднятой рукой, изумленно хлопая ресницами. Барнец без всякой жалости ткнул его концом посоха под ложечку, а когда юноша скорчился, замахнулся, чтобы треснуть по шее, но пожалел и от души приложился поперек лопаток.

– Это что за самоуправство, господа? – раздался глуховатый голос. В нем прозвучали нотки возмущения, граничащего с благородным негодованием, и одновременно испуга.

¹⁴ Меры длины в Сасандре и прилегающих землях: миля – тысяча двойных шагов (приблизительно 1500 м); плетр – двадцать шагов (приблизительно 30 м); локоть – 45 см; ладонь – 9 см; палец – 1,8 см.

– Дык... Это не самоуправство, – успел ответить Дыкал, прежде чем Емсиль повернулся. – Это воспитание называется.

– И не балуй, дядя, – веско добавил Батя.

Пожилой сержант повел арбалетом из стороны в сторону, пристально глядя на целящегося в Емсиля коренастого, довольно упитанного мужчину, полукровку-айшасиана, судя по смуглому лицу и толстым, слегка вывернутым губам. Его выпирающий вперед круглый живот был плотно обтянут бордовым камзолом из тонкого, дорогого сукна, прикрытым сверху плащом с меховой пелериной. Замерз, что ли?

Полукровка морщился и кусал губы, показывая признаки нерешительности. Арбалет дрожал в его пальцах, и это очень не понравилось Емсилью – того и гляди, нажмет на спусковую скобу...

– По какому праву? – воскликнул темнолицый, бросив быстрый взгляд на сидящую рядом с ним на раскладном стульчике черноволосую женщину в алом платье. Она сидела, низко наклонив голову, но с выпрямленной спиной – что называется, кол проглотила. Тут же, совсем рядом, стояла на коленях еще одна женщина, чьи волосы цвета спелой пшеницы совершенно скрывали лицо. В руках она держала маленький поднос, где стоял тонкой работы кубок.

– Дык... Мы – люди военные. Права сами устанавливаем, – медленно проговорил сержант.

– И безобразничать никому не позволим! – нахмурился Батя. И вдруг выкрикнул резко, словно отдавая команду новобранцам. – Кидай игрушку! Кому сказал?!

Жалобно сморщив лицо, полукровка швырнул арбалет на землю.

– То-то же, – одобрительно хмыкнул Батя и велел Емсилью с Воглей: – А ну-ка, отпустите девчонок!

Барнец еще раз оглядел поверженных врагов: щербатый скулил, зло, но затравленно поглядывая на сержантов, а розовощекий скорчился, закрывая голову руками, будто опасаясь, что его будут бить еще. Если подумать, то правильно опасался. Емсилью очень хотелось пнуть его, чтобы заорал так же, как избиваемые недавно женщины. Ну просто очень хотелось. Так, что зудела нога.

Пока Емсиль колебался, разрываясь между желанием поступить по совести или по закону, женщина в алом платье подняла голову.

Бывший студент обомлел. Уж кого-кого, а хозяйку «Розы Аксамалы» он узнал бы среди тысячи.

– Фрита Эстелла? – пробормотал он.

Она ответила непонимающим взглядом. Ну конечно! Где уж ей узнать в бородатом, одетом в армейский нагрудник мужике с тяжелым посохом немногословного студента, изредка посещавшего ее заведение. Он же не болтун Антоло, у которого денежки водились. И не Летгольм, не без основания считавший себя любимчиком всех бордельмаман Аксамалы.

Но если здесь фрита Эстелла, тогда остальные...

– Алана? – несмело позвал барнец.

Стоящая на коленях золотоволосая девушка подняла голову.

– Алана! Ты меня узнаешь?

Емсиль, забыв обо всем, кинулся к ней и вскоре сжимал голубоглазую красавицу в объятьях.

– Ты узнаешь меня?

Она кивнула. И вдруг из ее глаз хлынули слезы. Сплошным потоком. Без рыданий и всхлипываний. Кажется, Алана даже улыбалась. Но слезы текли и текли, оставляя на щеках мокрые дорожки.

– Что ж вы, сволочи, сделали? – слышался сзади глухой голос Бати. – Вы люди или нет?

Барнец обернулся.

Ну конечно же... Если бы он не был так ошеломлен встречей с Аланой, которая из всех девочек «Розы Аксамалы» нравилась ему больше всех, он сообразил бы, что кудрявая черноволосая – это не кто иная, как Рилла, а русая – Лита, простосердечная, открытая, стремящаяся всем помочь Лита.

Теперь их укладывали на траву Вогля и Дыкал. Кроме посиневших, перетянутых вожжами кистей и исхлестанных спин, в глаза Емсилю бросились уздечки, несомненно принадлежавшие распряженным мулам, а теперь надетые на лица девушек. Удила, толком не очищенные от травы и засохшей слюны животных, раздирали им рты, а сыромятные ремни были скручены узлами на затылках. Туго и безжалостно.

Наверное, лицо барнца отразило вскипевший в его сердце гнев, поскольку щербатый, сидевший на траве, мгновенно прекратил подвывать и посунулся на заднице, забавно отталкиваясь от земли пятками.

– Сиди! – Батя без всякой жалости стукнул его носком калиги в раненое плечо. – Ишь, шустрый какой! – И добавил несколько слов покрепче, совершенно не стесняясь присутствия женщин.

Несколько взмахов ножа понадобилось Дыкалу, чтобы освободить девушек от «сбруи».

– Чего глазеешь? – недовольно проворчал Батя. – Скажи своей подружке, пускай прикрывается им чего-нибудь принесет!

Алана уже и сама сообразила, мягко вывернувшись из объятий Емсиля, кинулась в фургончик.

– Фрита Эстелла, что это? Зачем? – удивленно проговорил барнец.

Бордельмаман хранила гордое молчание, поджав губы.

– А удрать хотели! – неожиданно сварливо произнес полукровка.

– Дык... свободные люди. Имеют право, – возразил сержант.

– Это кто свободный? Шлюхи? – зарычал щербатый.

– Тебя не спросили! – Батя занес над ним приклад арбалета. Раненый прикусил язык и живо втянул голову в плечи.

Зато пришел в себя Тюха. Поднявшись на четвереньки, он бодрым жуком пополз к ногам Дыкала, приговаривая при этом:

– Я не виноват, меня заставили... Скеццо заставил...

Сержант гадливо кривился, отодвигаясь, но мальчишка наседавал все настойчивее, так и норовил поцеловать калигу.

– Отстань, говнюк! – зарычал наконец Дыкал. Парнишка примолк, замер в неудобной позе.

– Ну, и кто из вас Скеццо? – нехорошо прищурился Батя.

– Он! – приподнялась, опираясь на локоть, Лита. Ткнула пальцем в щербатого. После перевела взгляд на барнца, чуть наморщила лоб. – Это ты, Емсиль? Или...

– Я, – кивнул бывший студент.

– А что сразу Скеццо! – заорал щербатый. – Чуть чего, так Скеццо! Ты что молчишь, черномазый?!

Выскочившая из домика на колесах Алана пробежала между мужчинами и бросила подругам скомканную одежду. Рилле досталась рубашка до пят, а Лите легкий капот из батиста, розовый в мелкий белый цветочек. Девушки одевались с суетливой поспешностью, которая никак не вязалась с их родом занятий. Не успев запахнуть легкую ткань на груди, Лита закричала, указывая пальцем на полукровку:

– Это шпион! Айшасианский шпион! Его нужно сдать властям в ближайшем городе!

– Совсем сбрендила, дура?! – воскликнул Скеццо, меняясь в лице.

– Ты что морозишь? – нахмурился толстяк.

– Послушайте меня! – Лита бросилась к Дыкалу. – Я не сошла с ума...

– Дык... Никто и не говорит... – Лицо сержанта выражало растерянность. Одно дело примерно наказать безобразника, издевающегося над беззащитными женщинами, а совсем другое участвовать в поимке шпиона из южного королевства. Как с ним обращаться? Кому предавать? В деревенский магистрат не потащишь... Да и есть ли огонь у этого дыма или, как говорят окраинцы, корни у этой травы? Конечно, всем известно, что Айшаса спала и видела развал и гибель Сасандры – ведь больших соперников, чем эти две страны, не сыскать ни в торговле, ни в политике. Но здравомыслящий человек всегда отдает себе отчет: слухи зачастую бывают преувеличены, причем в несколько раз. Айшасианы пускай и злобная народность, а все же не идиоты слабоумные. Зачем засылать шпиона-полукровку? Настроение у жителей Империи сейчас не самое радужное, найти виновника собственных неудач любой не прочь. А любой темнокожий сразу под подозрение попадает. Если уж на каматийцев косятся... Может, девчонка обезумела от обиды и злости? Может, хочет просто отомстить ненавистному старику, а для того вздумала его оговорить? И не нашла ничего лучше, чем выдумать шпионов?

– Ты, девочка... Дык... я что сказать хочу... Ну, как говорится... – заговорил Дыкал. Запнулся, сбился. Виновато развел руками.

– Я не сошла с ума, – упрямо повторила Лита.

– Ниче... Сейчас разберемся, – заверил ее Батя. – Этого вяжи! – приказал он Вогле, кивая на Скеццо. – Ты, дядя, стой тихонечко. И руки на виду держи... – Он повел арбалетом в сторону полукровки. – Ну, а вы рассказывайте...

Дыкал внимательно посмотрел на Емсилю:

– Ты, похоже, знаешь их?

– Знаю, – кивнул барнец. И задал вопрос, который вертелся у него на языке уже довольно долго: – Где Флана?

– Флана? – переспросила Рилла, а Лита виновато потупилась.

Емсиль заподозрил неладное. Уж если эти две девчонки пытались сбежать, то чего ожидать от порывистой и решительной Фланы? А если Скеццо и толстогубый ее поймали...

– А ушла... – негромко проговорила Алана.

– Как ушла? – удивился и обрадовался одновременно Емсиль.

– А как кошка последняя! – внезапно взвизгнула Рилла. Ее лицо сморщилось и стало некрасивым от злости. – Хвостом махнула и...

– Перестань! – сжала кулачки Лита. – Если бы она могла...

– Если бы хотела! – перебила ее черноволосая.

– Она хотела! Она обещала!

– И где ее обещания? Где? Где, я спрашиваю?

– Значит, не смогла...

– Значит, не захотела! Она бросила нас всех! Понимаешь? Бросила! Сама освободилась, и хоть трава не расти! Нужны мы ей! Как же!

– Ты не имеешь права... – На глаза Литы навернулись слезы.

– Имею, – Рилла отвечала ей с холодной яростью. – И я имею, и ты имеешь. И Алана имеет... Она нас забыла. Ей на нас плевать!

– А ну, тихо!!! – не выдержав перебранки, рявкнул Батя. – Сами потом будете разбираться, кто кого обидел и кто кого бросил. Не о том речь. Ты, девочка... Как тебя звать-то?

– Литой ее зовут, – вмешался барнец.

– Хорошо. Ты, Лита, человека айшасианским шпионом обозвала. Ты понимаешь, что за свои слова отвечать нужно?

– Я готова ответить. Перед любым судом! Это табачник Корзьело из Аксамалы. Он пособничал айшасианам. Передавал записки в нашем борделе, а когда мы случайно раскрыли его, сбежал! – Губы Литы дрожали, она сжимала кулачки, но в глазах сверкала такая решимость, что Емсилъ поверил в ее слова сразу и безоговорочно.

Да и Батя крикнул, расправил сгибом пальца топорщившиеся, словно у кота, усы, кивнул:

– Ну, ладно... А кто подтвердить может?

Девушка на мгновение задумалась. И вдруг просияла:

– Фрита Эстелла может! Фрита Эстелла, почему вы молчите? Ведь вы можете подтвердить? Фрита Эстелла?

Бордельмаман холодно взглянула на нее. Пожала плечами.

– А почему я, собственно, должна что-то подтверждать? – высокомерно произнесла она. – Мало ли что кому взбредет в голову?

– Но как же так? – опешила Лита. – Ведь мы тогда... И Флана, и Мастер, и Кир...

– Ничего не знаю! – отмахнулась Эстелла. Развернула плечи, отчего грудь еще соблазнительнее обрисовалась под тонкой шерстью платья, обратилась к сержантам: – Могу я говорить с офицером?

– Дык... с офицером? – замялся Дыкал. Бросил извиняющийся взгляд на Литу – мол, видишь, как оно бывает в жизни. – Есть у нас офицер. Дык... почему не поговорить?

– А с этими что будем делать? – вмешался Емсилъ, опасаясь, что беседа сейчас пойдет по совершенно другому руслу и о сказанном Литой забудут. Он ей почему-то верил. Не водилось за русоволосой простушкой привычки обманывать, выдумывать небылицы, а уж тем более обвинять кого-либо впустую. Не могла она оговорить человека, зная, что ему за это придется отвечать перед законом, даже если этот человек трижды подлец и мучитель. Ведь не назвала же она шпионом и предателем родины Скеццо? Или Тюху, который порол ее только что? Значит, был повод.

– Ну, этого я бы вздернул для пользы дела, – Батя махнул рукой на Скеццо.

– Так нельзя! – возмутился вельзиец. – Эт-то... А как же суд?

– А по закону военного времени, – нехорошо оскалился Батя.

Скеццо зарычал и попытался вскочить на ноги. На плечах у него повис Тюха и, выкрикивая как сумасшедший: «Из-за тебя все! Вот тебе! Чтоб ты пропал!» – принялся тузить вельзийца тяжелыми кулаками. Сцепившись, как два кота, они покатались по траве. Мелькали локти, колени, кулаки. Щербатый, несомненно более опытный в рукопашных схватках, сопротивлялся умело и отчаянно, но ему мешало раненое плечо.

Невольные зрители отнеслись к потасовке по-разному.

Бордельмаман, безглаголиво поджав губы, отвернулась.

Алана схватила за рукав Емсиля и прижалась к нему, дрожа всем телом. В ее глазах плескался самый настоящий ужас. Как у перепелки, завидевшей ястреба.

Рилла и Лита, позабыв о том, что совсем недавно спорили и едва не поссорились, азартно наблюдали за дракой. Даже перешептывались. Емсилю почему-то показалось, что они заключают пари: кто кого, как крестьяне на петушиных боях.

Табачник Корзьело переступил несколько раз вбок короткими шажками, намереваясь, скорее всего, дать деру. Батя, заметив его попытку, покачал головой и красноречиво повел арбалетом. Полукровка вернулся на место, застыл с опущенными плечами и склоненной головой, всем видом выражая покорность судьбе.

Дыкал чесал в затылке, разевая рот, будто хотел что-то сказать, но вдруг позабыл все слова. Наконец он приказал хохочущему Вогле разнять драчунов.

Не тут-то было!

Растащить забияк не получилось ни с первого, ни со второго раза. Даже ведро воды, опрокинутое на них солдатом, охладило боевой порыв лишь на краткий миг. Тогда Дыкал подхватил брошенный Тюхой ремень и принялся охаживать драчунов по чему попало.

Десяток ударов, и они расцепились. Скеццо хрипел и непотребно ругался. Левый глаз его заплыл здоровенным «фонарем», на виске наливалась багровая шишка. Тюха отделался расцарапанной щекой – видимо, вельзиец хотел выдавить ему глаз. Парнишка закрыл голову руками и продолжал выкрикивать:

– Убить его, гада! Удавил бы! Из-за него все!

Дыкал для острастки вытянул его еще пару раз по спине.

Тюха замолчал.

Сержанты переглянулись. Дыкал отбросил ремень, словно гадюку. Батя зло сплюнул на землю.

– Щербатого вязать! – сказал он, обегая взглядом всех присутствующих. – Ты, Тюха, самолично за ним следишь. Упаси тебя Триединый упустить злодея...

Мальчишка радостно закивал, словно преданный и отлично обученный котенок.

– Дальше! Табачника запереть. Мы еще разберемся – шпион он или так, погулять вышел. Надо будет, и в Аксамалу свезем. В тайный сыск. А сейчас, от греха подальше, лучше запереть... Ну, а вы, красавицы, ступайте куда хотите. Желаете – здесь оставайтесь. Нет – так проводим до Арамеллы. Можем и дальше, – подмигнул он Емсилю, на рукаве которого продолжала висеть Алана. – Ну, годится такое решение?

Едва смолк его голос, как Тюха уже кинулся заламывать локти Скеццо за спину.

– Мы с вами! – звонко выкрикнула Лита.

– С вами, конечно! – лишь на долю мгновения отстала от нее Рилла.

Алана не сказала ничего, но барнец понял, что разлучить их теперь может только смерть.

Фрита Эстелла дольше всех хмурилась и кусала губы, пока не произнесла с видом вышедшей в народ королевы:

– Вы обещали, что поговорю с офицером. Я еду с вами.

Батя вздохнул и молча направился запрягать мулов, прихватив в помощники продолжающего веселиться Воглю.

Глава 4

Гуран едва не задремал, привалившись к зубцу крепостной стены. Ночь выдалась на удивление теплая. Несмотря на то что небо затянуло тучами и мэтр Абфельм упорно предрекал дождь, хвала Триединому, было сухо. Даже душно, как в конце лета. И не скажешь, что месяц Ворона на исходе, скоро и зима. Впрочем, вельсгундец привык к мягким зимам Аксамалы. На востоке Зеленогорье защищает от зимних буранов и летних суховеев. На севере – Великое озеро, а, как известно, близость воды улучшает климат. Этому учат в университете, на курсе геометрии, который Гуран любил больше всего.

Изредка из-за плотных туч выглядывала Младшая Сестра, полная – круглая и ярко-желтая. Старшая Сестра, промелькнувшая сразу после заката молодым месяцем, уже скрылась. Время потихоньку двигалось к полуночи. Молодой человек пятый день не спускался со стен. Тут же ел, что придется, тут же и спал, сколько получится. От сухомятки начал болеть живот, а от недосыпа резало глаза. Но ничего не поделаешь, ополчение нуждалось в постоянном присмотре. Это когда наступал черед охранять укрепления Аксамалы отрядам студенческой самообороны, главнокомандующий народного правительства мог расслабиться и отдохнуть. Свои, студенты, не пропустят врага, не дрогнут в трудное мгновение, не побегут. А с ополченцев какой спрос? Лавочники, ремесленники, купчики средней руки... Хорошо еще, что прекратились разговоры о сдаче. Можно подумать, Жискаардо Лесной Кот не такой, как десятки командиров вольных отрядов, наводнивших всю огромную территорию Сасандры в последние три месяца. Установит мир и порядок, станет защищать от разбойников и приструнит преступность в городе. Как бы не так! Ограбит, оберет до нитки, хорошо еще, если те самые купцы, ратующие за мировую, живыми останутся. Это ж совсем слабоумным нужно быть, чтобы не понимать столь очевидную истину! Нет, банкиры и купцы шумели, горланили перед зданием университета (новое правительство, или «младоаксамалианцы», как они сами себя называли, обосновалось именно там), требовали от мэтра Дольбрайна принятия выгодных им решений. Недовольных успокоили. Правда, заслуги Гурана тут никакой не было. Он не лыстил себе. Постарались молодцы фра Лаграма, возглавившего в Аксамале новый тайный сыск. Десяток купцов загремели в тюрьму, еще троих показательно вздернули на площади при большом скоплении народа. И число недовольных начало стремительно уменьшаться, пока совсем не сошло на нет. Обыватели с завидным рвением ринулись защищать столицу родимой Империи.

Сейчас ополчение и самооборона пребывали в состоянии повышенной боевой готовности, как сказал мэтр Крюк, лавочник из бывших военных. Вот уже третий день войско кондотьера Жискаардо не стояло на месте. Перемещалось, перегруппировывалось, совершало непонятные защитникам крепости маневры. Все это, возможно, имело целью запутать и попутать Аксамалу, упорно не желавшую сдаваться, а может быть, означало подготовку к штурму.

Расставив наблюдателей у Зеленогорских ворот и у Дорландских ворот, Гуран собрал основные силы у Южных или, иначе, Вельзийских ворот. Перед закатом вызвал нарочным мэтра Абфельма. Так или иначе, а присутствие колдуна на стенах не помешает. Хоть он и слабенький волшебник, а морок напустить может, или лестницу огненным шаром пережечь, или еще чего-нибудь устроить. Старенький чародей прибыл тотчас же после получения приглашения. Побурчал, конечно, что, мол, делать ему больше нечего, а потом устроился спать в караулке. Гуран немного успокоился, укутался в плащ и привалился к каменной кладке, подложив кулак под голову.

Свежий ветерок, пролетев над сжатыми полями и яблоневыми садами, тихонько шелестел между зубцами, посвистывал в бойницах. Вельсгундец и сам не заметил, как закрыл глаза и провалился в тяжелый, похожий на оцепенение сон...

– Гуран... Гуран! – Светловолосый студент из Литии по имени Никилл тряс командира за плечо.

Сон слетел в одно мгновение, оставив после себя ломоту в затылке.

– Что? – встрепенулся вельсгундец. – Что случилось?

– Кажется, началось! – почему-то шепотом проговорил парень. Можно подумать, нападающие услышат его!

Гуран бросился к краю стены. Внизу колыхались темными змеями колонны солдат. Следовало отдать должное выучке наемников – они шагали почти бесшумно: не звякало оружие, не скрипел доспех.

Одна колонна двигалась прямо на ворота, две другие нацелились шагов на сто правее и левее. Ясно, хотят растянуть оборону. Хорошо бы не ударили еще где-нибудь подальше – стена-то у Аксамалы длинная, слабых мест при желании можно нащупать сколько угодно.

– Мы сперва поверить не могли, – продолжал шептать Никилл. – Глядим, а они ползут, словно призраки. Ни огонька, ни звука...

– Ты что думал? – неожиданно зло огрызнулся Гуран. – Под барабаны на штурм пойдут?

– Нет, но...

– Какое там «но»! Выучка солдатская! Вам до них далеко...

Студент обиженно засопел, а Гуран тут же пожалел, что обидел парня. И чего, собственно, взъелся? Они стараются, как могут. Было бы чуть побольше времени, и из студенческого братства Аксамалианского университета удалось бы создать некое подобие гвардии. А там и настоящей армией заняться вплотную. Обеспечить городу защиту.

Войско кондотьера Жискардо, возмнившего себя новым императором Сасандры, приближалось неторопливо, но решительно. Передние солдаты тащили вязанки хвороста. Ясно, собирались забрасывать ров. Последующие ряды волокли лестницы. Похоже, готовился штурм по всем правилам. Да, нелегко будет отбиваться. Опыту и выучке солдат придется противопоставить задор и отчаянную решимость горожан и студентов.

– Зови Ченцо и Вильяфьоре, – коротко бросил Гуран студенту. – Бегом! Постой! Когда позовешь, разбудишь мэтра Абрельма, а сам бегом к Верольму и Крюку... Понял?

– Понял, конечно! – мотнул головой Никилл.

– Тогда беги, брат!

Обычай называть друг друга братьями появился у «младоаксамалианцев» недавно. Кто-то вспомнил, что студенческое общество часто называют братством. Мэтр Дольблайн одобрил новое обращение. Сказал, что ему и самому порядком надоели эти «господины» и «фра». Правитель и сам хотел предложить взамен устаревших обращений что-то новенькое. Например, товарищ или друг. Но и брат тоже хорошо. Отдает чем-то родным и семейным. Правда, Гуран не мог себя пересилить и нет-нет да и обращался к старшим товарищам, таким как Лаграм или Абрельм, уважительно – «фра». Но ничего, это со временем пройдет, утешал он себя. И учитель говорил то же самое.

Студент скрылся в темноте. Тотчас же в паре шагов послышалось глухое покашливание, и хриплый голос произнес:

– Да не надо меня искать. Тут я уже...

Коренастый Ченцо подошел к Гурану вплотную, почесал кустистую бороду, а затем задницу. Горшечник никак не мог набраться хороших манер, да и не желал. Он примкнул к восставшим еще в ночь Огня и Стали. Сколотил отряд из таких же, как и сам, небогатых ремесленников, работавших без заказов, на свой страх и риск, а потому часто остающихся

без гроша в кармане. Он не любил чиновников магистрата, жрецов, военных, судей и прочих, как он сам говорил, кровопийц. Его отряд некоторое время занимался тем, что отлавливал «врагов народа» и вешал их либо рубил головы. К чести повстанцев, они старались уничтожать идейных противников без особых зверств, просто трудились, но уже не за верстаками или гончарными кругами, а с гизармами и топорами на улицах родного города.

Когда «младоаксамалианцев» достигли слухи о зачищающих Аксамалу ремесленниках, Гуран лично возглавил небольшой отряд студентов и отправился на переговоры. Может быть, его слова Ченцо и не убедили, но горшечник согласился поговорить с мэтром Дольбрайном. В тот же день его люди влились в повстанческую армию нового правительства Аксамалы.

– Вижу – ползут, – рассудительно, но с налетом гордости произнес Ченцо. – Мои ребята едва не первыми всполошились...

– Молодцы, – кивнул Гуран. – Что делать будем?

Горшечник поежился:

– Я тебя спросить хотел – что делать будем? Ты же главнокомандующий, брат, а не я.

Вельсгундец задумался. Легко сказать – главнокомандующий. Управлять отрядами ополченцев и студентов в городе – это одно, а отражать всамделишный штурм, да еще когда против тебя выступает опытный кондотьер, – совершенно другое. И ничего общего. Молчание затягивалось. Солдаты Лесного Кота скользили в темноте, неуклонно приближаясь. Пятьсот шагов до рва, четыреста, триста... Куда же запропастился Вильяфьоре? Он из офицеров. Не так давно был капитаном гвардии. Чего стоило вельсгундцу отбить его у молодчиков фра Лаграма! Вот всегда так с этими старорежимными... Когда не надо, так и лезут с советами и пояснениями, а когда возникла острейшая необходимость, как корова языком слизала. Нет его, пропал, исчез, сквозь землю провалился...

Ладно, никуда не денешься. Назвался котом, мурлыкай во все горло. Гуран вздохнул и выпалил:

– Давай бегом на правый фланг. Пускай твои парни встречают их арбалетными болтами. Постарайся сбить боевой пыл, к стене не подпускайте. А мы уж тут как-нибудь.

– А если все-таки прорвутся? – поинтересовался как всегда обстоятельный Ченцо.

– Если прорвутся, рубись. Стой насмерть. И своим скажи – велика Сасандра, а отступать некуда, Аксамала за спиной. Сможешь? Не отступишь?

– Хорошо, – просто отвечал горшечник. Никаких громких заявлений, речей, столь любимых некоторыми вольнодумцами. – Будем драться. Ты за нас не переживай. Помрем, но не отступим. А если погибнем, то все до единого. Так и учителю скажи. Померли, но не отступили.

Он развернулся и исчез в темноте. Не попрощался. Да оно и к лучшему. Прощаться перед боем, говорят, плохая примета.

Гуран огляделся. Справа и слева от него уже выстраивались вдоль края крепостной стены ополченцы, вооруженные арбалетами. В стрелках находились люди опытные. Те, кто не отличался особой меткостью, будут заряжать. Вельсгундец подозвал Райальма, бородастого ополченца средних лет, из краснодеревщиков кажется, и отправил его на левый фланг – передать команду начинать стрельбу, не дожидаясь, пока враг приблизится вплотную.

Райальм умчался едва ли не бегом. Впускать мародеров в город не хотел никто. Это вселяло надежду. Значит, и правда, как сказал Ченцо, даже ополченцы будут стоять насмерть. У каждого... Ну, или почти у каждого в Аксамале семья – жены, дети, старики родители.

Ежась от ночной свежести, подошел мэтр Абрельм, сутулый, сухой, седенький – он напоминал скорее одуванчик, чем чародея. Ну, какой ни есть, а все же наш. У других, может, и такого нет. Волшебник оглядел наступающие колонны, покачал головой:

– Ой-ей-ей... Жарко будет, брат мой, не так ли?

– Сейчас им станет жарко! – В Гуране уже проснулся боевой азарт. Он давно замечал за собой, что в миг опасности соображает лучше и действует быстрее. – Готовсь! – негромко проговорил он, поднимая руку. – Цельсь! Бей!

Вряд ли кто-то увидел его отмашку. Темно, ночь, тучи в небе... Но команду услышали! Защелкали арбалеты.

Атакующие начали падать. Кто-то в сторону, кто-то под ноги своим же товарищам. Послышались крики.

«Ага! – подумал Гуран. – Не нравится?! А вы чего ожидали?»

А вслух выкрикнул:

– Цельсь! Бей!

Наконец солдаты Жискардо Лесного Кота окончательно осознали, что не сумели подкрасться незамеченными. Над их рядами прокатился боевой клич, передние перешли на бег, десяток-другой отделился от колонны и, припав на колени, открыл ответную стрельбу. Конечно, промахивались. На зубцах стены царила тьма, помогающая защитникам.

– Получи, сволочь! – закричал молоденький парнишка в меховой безрукавке, нажимая на спусковой крючок. Гуран никак не мог вспомнить его имя. Кажется, ученик ювелира с Крючной улицы...

Рядом пожилой купец деловито выцеливал врагов. Крякал после каждого выстрела, будто бы мог видеть – попал или нет.

Мэтр Абрельм выпятил нижнюю губу и «цыкал» зубом.

Вельсгундец хотел спросить, что не нравится старому волшебнику, но отвлекся, командуя очередной залп.

Атакующие перешли на бег. Несмотря на груз из вязанок и лестниц, солдаты покрыли двести шагов, отделявшие их ото рва, на одном дыхании. Подняли над головами большие прямоугольные щиты. Принялись бросать хворост в мутную вонючую воду. А примерно полсотни солдат, скрываясь за спинами щитоносцев, начали обстреливать верх стены. Заряжали они быстро, выпускали болты слаженно, не чета ополченцам, да и меткостью превосходили горожан.

То здесь, то там падали аксамалианцы. Кому-то повезло и его подхватили соседи, а некоторые полетели со стены.

– Целься хорошо! – крикнул Гуран.

Ему очень не нравилась группа солдат, составивших щиты чуть в стороне от остальных. Такое построение в старинных книгах именовалось «черепашей». Что они прячут? Командира? Или секретное оружие?

Под ливнем болтов нападающим все же удалось забросать ров фашинами и приставить лестницы к стенам. Арбалетчики непрерывно били по бойницам.

Левее и правее тоже слышались крики, щелканье тетивы, топот.

– Приготовиться отталкивать! – Вельсгундец ни на миг не забывал, что главнокомандующий он и никто иной. – Алебарды к бою!

Пока арбалетчики последним залпом пытались еще хоть немного уменьшить число врагов, заряжающие разобрали составленные в «пирамиды» алебарды, гизармы, осадные ножи. Жаль, что потратили на это гораздо больше времени, чем следовало. Недостаток выучки...

«Вот и будешь теперь знать, на что свое войско натаскивать, командир! Если будет кого натаскивать и кому натаскивать...» – Гуран скривился, обнажил клинок. С мечом он управлялся куда лучше, чем с древковым оружием.

– Вот оно! – сипло выкрикнул Абрельм и, отталкивая Гурана, кинулся к краю стены.

– А? Что? – Молодой человек поспешил следом за ним, зная по опыту – уж если мэтр всполошился, то неспроста.

Внизу расступились пехотинцы, составлявшие «черепаху», а между ними возник нескладный худой мужчина в бесформенном балахоне и дурацкой шапке, напоминающей гугель, но с меховой оторочкой. Почему Гуран смог так хорошо его рассмотреть? Да потому, что мужичок стоял, сведя ладони перед грудью (не слишком плотно – два кулака пролезет), а между его пальцами клубился багровый огонь, навевающий мысли о Преисподней.

Колдун?

У вельсгундца ослабели колени. Как он ни хорохорился, а составленный в день выпускного испытания гороскоп не думал стираться из памяти. Он сам себе нагадал гибель в огне. Неужели не ошибся?

– Что, страшно? – по-прежнему непривычно осипшим голосом проговорил Абрельм. – Я тоже боюсь. Аж в горле пересохло.

Он вытянул правую руку вперед, нацелив указательный палец в чужого чародея, а левой крутил странные фигуры. Будто музыкант разминается перед выступлением. Его морщинистое лицо при этом кривилось, будто бы волшебник в одиночку перетаскивал тяжеленный комод.

– Эх, поспеть бы... – За шумом боя вельсгундец едва расслышал слова Абрельма.

«Конечно, хорошо бы поспеть. А то размажет нас сейчас по камням, как масло по хлебу!»

Как ни кряхтел, как ни старался мэтр, чужой колдун начал первым. Огненный шар вырвался из его рук и, переливаясь всеми оттенками красного – от мрачного багрянца до ярко-алого, – поплыл к стене. Испуганно загалдели ополченцы. Ночь Огня и Стали и безумство чародеев, которые сровняли с землей Верхний город, помнили все.

Мэтр Абрельм поспешно сменил позу. На этот раз он растопырил руки, скрючив пальцы так, словно пытался кого-нибудь сцапать. И, как оказалось, не случайно. Извилистые ленты мрака потянулись от его пальцев, рыская, будто щупальца диковинного морского зверя спрута. Говорят, в океане Бурь спруты достигают такого размера, что нападают даже на купеческие суда, обвивают борта змеевидными лапами, впиваются присосками в обшивку и утягивают на дно вместе со всем грузом и командой. Счастье, что в Ласковом море, омывающем с юга Империю, спруты вырастают не больше локтя в длину. В Камате и Уннаре их ловят и жарят в масле с чесноком.

Темные нити перехватили огненный шар на полпути. Соткались в сетку, приняли его, погасив скорость полета, обхватили словно верша и потянули вниз, на головы своих же солдат.

Чужой колдун сопротивлялся отчаянно. Совершал пассы руками, приподнимался на цыпочки. Сеть неумолимо прижимала его оружие к земле.

– Ай, молодец, мэтр! – выкрикнул кто-то, довольно взвизгнув.

– Наша берет, наша! – откликнулся басовитый голос.

– Так им, так им, мэтр!

– Дави его, кошкина сына!

Гуран, ликуя в душе, одернул подчиненных:

– За пехотой глядите! Алебарды не бросать! – и выглянул из-за зубца. Наемники Лесного Кота обращали гораздо меньше внимания на магический поединок. Карабкались по лестницам, которых оказалось приставлено на этом участке шесть штук. – Лестницы отталкивай!

«А есть ли чародеи на других участках атаки? Или только нам такая честь досталась? – подумал молодой человек. – Должно быть, у нас главное направление, а там штурмуют, чтобы головы нам задурить... А мэтр, и правда, молодец. Справляется потихоньку. Только слишком уж потихоньку...»

Гуран повернулся к волшебнику, желая если не поддержать чем-нибудь, то хотя бы подбодрить, и похолодел. Абрельм едва стоял на ногах. Нет, руками он по прежнему «давил» чужое колдовство, но ноги его уже подкашивались, а взгляд остекленел – вот-вот свалится без чувств.

– Ты что, мэтр?! – Вельсгундец кинулся к нему, подхватывая под мышки.

– Спа... сибо... – выдохнул чародей, наваливаясь на руки Гурана всем весом. – Силен... гад... Стихийник...

Несколько мгновений понадобилось Гурану, чтобы осознать последнее слово. Если бы он не увлекался в университете чтением старинных книг, касавшихся истории Империи и прилегающих королевств, то не сообразил бы. Стихийниками называли сейчас чародеев, использующих Силу Стихий – Земли, Воды, Огня, Воздуха. Каждое из этих начал испускает особые эманации, которые обладающий соответствующими способностями и должным образом обученный человек способен улавливать и использовать по своему желанию. Впрочем, почему только человек? Говорят, волшебники есть у альвов и кобольдов, у дроу и гоблинов... Даже у диких кентавров. Овладевая силой какой-то одной стихии, чародей получает возможность с ее помощью совершать магические воздействия на окружающий мир. Например, Чародей Воздуха может вызывать ветер, подгонять корабли и развеивать тучи над полями. Чародей Огня способен швыряться вот такими шарами или, к примеру, осветить поле боя, зажигая в небе магические факелы. И так далее... Разве все перечислишь?!

Раньше все волшебники Сасандры были стихийниками. Но они ушли, пожертвовав собой во имя человечества,¹⁵ и не оставили смены. Вернее, самые способные ученики полегли рядом с учителями, а оставшиеся не годились не то что в подмастерья, а даже не были достойны менять чародеям прошлого коврик у двери. Зато начали развиваться тайные сообщества, использующие совершенно другой род Силы. Человеческие чувства: страх, ненависть, признательность, обожание, ярость. Оказывается, их тоже можно ощутить и, самое главное, собрать, преобразовав в некое подобие стихийной энергии, пригодное к употреблению в чародейских целях. Подобное волшебство практиковалось и раньше, но примерно триста лет тому назад Великий Круг магов Сасандры запретил его. Почему? Высокоученые маги, входящие в Великий Круг, рассудили, что, пользуясь энергией эмоций, волшебники вытягивают из людей жизненную силу. Так ли это на самом деле? Никто не знает. Как никто не может объяснить, что такое жизненная сила, откуда она берется и куда девается после смерти.

Даже жрецы Триединого расходились во мнении по этому вопросу. Научный диспут между Мьельским и Аксамалианским храмами помнили все истинно верующие, как образец изощренного красноречия, борьбы неопровержимых доказательств и отсутствия каких бы то ни было результатов. Но тем не менее Великий Круг магов и Верховный Совет жрецов строго следил за выполнением запрета, а потому число колдунов, пользующихся человеческими чувствами, было ничтожно мало. Зато когда сильных и опытных волшебников не осталось, а жрецы Триединого погрязли в мелочных дрызгах и теософских спорах, почти не обращая внимания на светскую жизнь Империи, нашлись желающие возродить старинное и запретное знание. Словно грибы после дождя, полезли сообщества волшебников-самоучек, не обладающих и сотой долей мастерства великих предшественников, но зато преисполненных амбиций и гордыни. Многие из них погибли, переоценив свои силы, во время ночной резни, когда гвардия Аксамалы начала уничтожать вольнодумцев и заговорщиков по всей

¹⁵ За тридцать семь лет до описываемых событий почти все волшебники Сасандры и лучшие их ученики погибли, пытаясь противостоять эпидемии бубонной чумы. Возглавлял их Тельмар Мудрый, самый сильный маг современности. С тех пор в Империи утрачена школа чародейского мастерства.

столице. Мэтр Абрельм остался в числе немногих уцелевших. Он здорово помог восставшим как в ночь Огня и Стали, так и после. Не изменил делу «младоаксамалианцев» и сейчас.

Из тех же старых книг Гуран знал, что любой стихийник сильнее любого мага «новой волны». Знал и не завидовал Абрельму.

– Что сделать, мэтр? Чем помочь? – даже не надеясь на удачу, спросил вельсгундец.

– Что... тут... сделаешь... – прохрипел волшебник. – Я... его... еще... чуть...

Он не договорил. Застонал и рухнул на колени. Черные шупальца исчезли, растворились в окружающем мраке. Огненный шар рванулся, как камень из пращи, врезался в один из зубцов стены. Каменная кладка задрожала, но выдержала. Зато пламя растеклось по поверхности стены, оплавляя ее.

Жутко заорал один из ополченцев, угодивший по нечаянности в огонь ногой. Башмак его вспыхнул, словно факел. Языки пламени жадно рванулись вверх по штанам, охватывая человека. Два прилетевших снизу болта оборвали его мучения – по подсвеченной мишени солдаты не промахнулись.

– Стеляйте! Стеляйте по колдуну! – выкрикнул Гуран, бережно прислоняя Абрельма спиной к камню.

Ополченцы, несколько растерявшиеся из-за исхода магического поединка, выстрелили несколько раз, но солдаты Жискардо вновь сдвинули щиты, заслоняя чародея. Гуран успел заметить, что выглядел тот неважно – руки-ноги дрожали, плечи ссутулились. Видно, победа далась ему высокой ценой.

– Эх, что ж вы! – в отчаянии махнул рукой вельсгундец, выхватил заряженный арбалет у парнишки в меховой безрукавке, вскинул приклад к плечу. За щитами наемников мелькали красноватые отблески – уж не готовит ли колдун новый огненный шар? Нужно хотя бы попытаться...

Но, видно, в эту ночь чужому волшебнику не судилось умереть. Разрядить арбалет пришлось в бородатое лицо, возникшее над краем стены. Солдат каркнул страшно и сорвался с лестницы, сбив в падении сотоварища. Следующего Гуран ударил арбалетом по голове. Вернее, по шлему. Хрустнуло отполированное дерево приклада, загудела, сорвавшись с крепления, дуга.

Пнув солдата каблуком в зубы, вельсгундец скомандовал:

– В рукопашную, братья!

Ополченцы отозвали сдержанным гулом.

Правее двое мужичков уперлись алебардами в лестницу, оттолкнули ее и, поднатужившись, обрушили вниз.

Защищавшим стену левее повезло меньше. Низкий, кривоногий солдат в непокрытой кольчуге и косматой шапке, мастерски орудуя кривой саблей – излюбленным оружием окраинцев, – отправил к Триединому троих ополченцев подряд. Четвертому обрубил руку, сжимающую гизарму.

Гуран, рыча пересохшим горлом, кинулся ему навстречу. Терцией парировал злой, жалящий удар в голову. Ответил выпадом. Наемник попросту уклонился. Судя по вислым усам и выбивающемуся из-под шапки чубу, он и вправду был окраинцем. Командир аксамалианского войска помнил, что коневоды из Окраины привыкли сражаться в седле, и рассудил, что стоит ожидать широких, размашистых ударов в голову и корпус. Сперва так и вышло. Наемник «крестил» его саблей то справа, то слева – успевай только отбиваться. Гуран отражал удары попеременно то четвертой, то высокой примой. Пока что противник не выказывал особого мастерства. Только скорость. И замечательная выносливость. Вельсгундец чувствовал, что начинает задыхаться, а он, пробежавший почти тысячу шагов к стене под обстрелом, вскарабкавшийся по лестнице, только хищно скалился.

Вокруг люди кричали, ругались последними словами, тыкали друг в друга остро отточенной сталью, рубили наотмашь.

Медленно пятясь под напором окраинца, Гуран никак не мог понять – чья же берет верх? И по всему выходило, что наемники одолевают.

Ополченцев потихоньку оттесняли от края стены. Все больше и больше солдат выскакивало из-за зубцов. И это несмотря на то, что пару лестниц удалось оттолкнуть. Или их вновь приставили?

Несколько раз Гуран пытался контратаковать. Целил по ногам, справедливо полагая, что привычному к конной сшибке противнику тяжело будет отражать удары на нижний уровень.

Наемник просто отпрыгивал в сторону и ответным взмахом пытался зацепить вельсгундца за рукав. И тут же увеличивал частоту атакующих ударов. Почти на пределе человеческих возможностей.

«Еще немного, и мне крышка...» – подумал Гуран.

Выбежавший между ними высокий широкоплечий ополченец в длиннополом кафтане и шлеме-котелке ценой своей жизни дал несколько мгновений передышки. Пока окраинец расправлялся с мужичком быстрыми взмахами сабли, Гуран перебросил меч в левую руку и встряхнул немеющей кистью.

– Держись, братья! – раздалось вдруг позади. – Аксамала! Аксамала и свобода!

«Неужели подмога? Никилл студентов привел? Очень уж быстро...»

Окраинец, занеся саблю над головой, легко перепрыгнул мертвого ополченца. Гуран шарахнулся в сторону, перехватывая меч правой рукой. Он чувствовал, что уже не успевает отразить удар. Чья-то пятерня, вцепившись в плечо, бесцеремонно отбросила главнокомандующего. Человек в темном пелеусе¹⁶ и жаке поверх кафтана разрядил арбалет в наемника. Почти в упор. В живот. Отчаянно заорав, окраинец рухнул, но успел опустить саблю на плечо своего убийцы.

– Аксамала! Аксамала и свобода! – раскатился клич теперь уже и впереди, за спинами рубящихся с ополченцами наемников.

Арбалетные щелчки раскатились будто барабанная дробь.

Гуран вскочил на ноги. Ярость, смешанная с отчаянием, требовала выхода. Он несколько раз ткнул мечом в еще корчащегося окраинца. Сильно, с оттяжкой рубанул по шее стоящего на карачках наемника – похоже, он получил болт в ногу и не мог встать.

– Аксамала и свобода! – Обогнавший вельсгундца студент-медик весело взмахнул мечом, улыбнулся во весь рот, побежал дальше.

Наемники, теснимые со стен, отбивались отчаянно. Но на них насели спереди и сзади. Ополченцы вовсю кололи алебардами и гизармами, студенты поверх их голов стреляли из легких кавалерийских арбалетов, перезаряжаемых при помощи «стремечка». Целые склады этого оружия достались им от разгромленных полков гвардии.

– Вперед, братья! Аксамала смотрит на вас! – радостно закричал Гуран.

– Темно ведь... – послышался из-под ног слабый голос.

Молодой человек замахнулся мечом.

– Успокойся, брат Гуран. Это я. Лаграм.

– Ты?

Вельсгундец присел на корточки. И в самом деле Лаграм. Не узнать нельзя. Пелеус, небритые щеки, упрямые морщины в уголках рта. Кожаный жак разрублен и промок от крови. Так вот кто спас ему жизнь, пристрелив бешеного рубаку-окраинца!

¹⁶ Пелеус – головной убор из фетра, плотно прилегающий к вискам.

– Как же так, фра? – В последние месяцы бывший купец, возглавивший сыск нового правительства, вызывал у вельсгундца лишь неприязнь. Уж чересчур рьяно выискивал Лаграм шпионов Айшасы и затаившихся сторонников ушедшей власти, вредителей и предателей. Многие из окружения мэтра Дольбрайна считали, что новоявленный сыщик попросту придумывает врагов, чтобы оправдать свое неумное рвение. Гребет под одну гребенку и правых, и виноватых. За спиной его шушукались, но открыто высказывать недовольство опасались. А вдруг следующим врагом народа окажешься именно ты?

Гуран Лаграма не боялся. Во-первых, он главнокомандующий и сможет за себя постоять, в случае чего студенты не выдадут. А во-вторых, они с прихрамывающим из-за старей подагры купцом сражались бок о бок еще с первой ночи восстания, вместе штурмовали Аксамалианскую тюрьму, вместе загоняли в трущобы отребье из припортовых кварталов. Такое не забывается. И фра Лаграм, хоть въедливый и подозрительный, а не мог запросто перешагнуть через старую, омытую кровью общих врагов дружбу.

– Да уж так вышло... – негромко проговорил бывший купец.

Гуран быстро ощупал края раны. Лаграм зашипел от боли:

– Брось, не надо... Я все одно не жилец.

– Чепуха! Что ты говоришь, фра? Вылечим!

– Как бы не так. Кровь из меня уходит, я чувствую.

– Сейчас я перевяжу! – с напускной бодростью воскликнул Гуран. – Сейчас, сейчас!

Он замешкался, решая: оторвать свой рукав или у того окраинца, что скорчился тут же, подтянув колени к животу и оскалив зубы на ночное небо.

– Гуран? Ты? – Рядом возникла стройная, подтянутая фигура в вороненом хауберке.

Вильяфьоре! Явился, не запылится! И морда довольная, как у кота, стащившего окорок.

– Ты где был? – нахмурился вельсгундец.

– Меч об дурные головы тупил! – ухмыльнулся Вильяфьоре. Он обожал просторечные шутки и грубоватые прибаутки, хоть и происходил из старинного дворянского рода. Любил говорить, что титулы людей только портят, и, попав под командование Гурана, сразу предупредил студентов – кто вздумает приставлять к его имени дурацкое «т'» рискует остаться без ушей.

– Снова шутишь?

– Да какие шутки? Никилл прибежал, мечется, будто ошпаренный. Кричит – штурм, штурм! Я сразу понял, что ты центр на себя возьмешь. Спросил ребят, Ченцо ты направо отправил. Вот я и помчался левую колонну встречать. А вы не ждали нас, а мы приперлися! – на одном дыхании протараторил Вильяфьоре. И вдруг заметил Лаграма. – А это кто? А, старый дружище?

Улыбка бывшего капитана напомнила Гурану оскал голодного кота. В свое время сыщик попил немало крови офицеру, пытаясь убедить «младоаксамалианцев» в бесполезности и даже вредности привлечения на свою сторону осколков старого режима. Это Лаграм так выражался, будучи большим любителем цветистых фраз и громких призывов. К счастью, Гуран, лавочник Крюк, имеющий немалое влияние в городе, да и сам мэтр Дольбрайн, великан духа и гений мысли, защитили Вильяфьоре от излишнего внимания розыскников. Они считали (и совершенно справедливо, по мнению вельсгундца), что их армии просто необходимы толковые офицеры. Боевой дух боевым духом, а нужен опыт и знания.

– Скажи дворянчику. Пускай уйдет. – Слова давались Лаграму тяжело, но смотрел он уверенно и говорил с обычными для него повелительными нотками.

– Что? – Вильяфьоре деланно удивился. – Последнее желание умирающего, что ли?

– Прикажи ему. Пускай уйдет, – твердо повторил сыщик.

Гуран повернулся к офицеру. Вернее, бывшему офицеру.

– Я, конечно, могу тебе приказать, брат Вильяфьоре. Но я прошу. Оставь нас. Ненадолго.

Тот хмыкнул:

– То-то и оно, что ненадолго. – Махнул рукой. – А! Все равно ему к Триединому в гости. Не опоздает! – Развернулся и ушел.

Вельсгундец склонился над раненым.

– К Триединому... не опаздывают... – проговорил Лаграм. – К нему... все вовремя... приходят.

– Давай перевяжу.

– Некогда. Слушай внимательно. Не перебивай.

– Ну, говори. Что случилось? – Гуран никак не мог взять в толк – что же хочет ему поведать фра Лаграм. Да еще такое, чего нельзя слышать Вильяфьоре. Или вообще никому нельзя слышать.

– Помнишь. Того сыскаря. Из уголовного.

– Э-э-э... – замялся Гуран. – Которого?

И в самом деле, фра Лаграм изловил, осудил и прикончил столько сыщиков, стражников, судей, сборщиков подати, что всех и не упомнишь.

– Форгейльм. По кличке Смурый.

– А! Припоминаю. Говорят, был лучшим сыщиком по уголовщине.

– Возможно. Мне все равно.

– Я еще хотел предложить ему служить новой власти. Зря ты тогда...

– Не зря! – сказал, как отрезал, раненый.

– Ну... – не стал спорить молодой человек. – Как знаешь...

– Ты думаешь... я зверь... какой-то. Да?

– Нет. Почему же...

– Против Форгейльма... у меня... зла... не было.

– Да?

– Просто он... такое мне... сказал.

– Что? – насторожился Гуран. Неужели и правда какой-то секрет?

– Ты знаешь... кто такой... мэтр Дольбрайн.

– Как это кто? Он учитель. Мой прежде всего. А также всех свободомыслящих аксалианцев. Гений духа, величайший ум, который рождала наша эпоха...

– Погоди... Стой... Зататорил...

– Я тебя не понимаю, фра Лаграм.

– Форгейльм узнал... мэтра Дольбрайна.

– И что с того?

– Не перебивай. Боюсь, не успею.

– Ну, говори. – Вельсгундец пожал плечами. Что-то не то творится с фра Лаграмом. С братом Лаграмом, грозой приспешников старой Сасандры.

– Дольбрайн на самом... деле... Берельм... по кличке... Ловкач...

– Что? Не понял я тебя...

– Берельм Ловкач, – упрямо повторил Лаграм. – Мошенник... Подлоги. Подделка векселей... Махинации с банками...

– Ты в своем уме?! Как такое может быть?

– Он клялся... могилой отца. Я подумал... вдруг это правда? Ее не должен... знать никто.

Он замолчал, закрыл глаза и, как показалось, даже дышать перестал.

– Э, погоди, фра Лаграм! – едва не взмолился Гуран. – Не умирай, погоди. Скажи...

– Я носил... это в себе, – не поднимая век, сказал раненый. – Теперь твой... черед...

– Фра Лаграм! Фра Лаграм? Эх, фра Лаграм...

Разрубленная грудь больше не поднималась от дыхания. Между приоткрывшимися губами выглянул язык.

Вельсгундец вздохнул. Прошептал:

– Да примет Триединый душу раба своего.

Потом медленно выпрямился. Новое знание давило на плечи, гнуло к земле. Правду сказал со слов Форгейльма фра Лаграм? И ведь не подойдешь к учителю, не спросишь напрямую: ты мошенник Берельм Ловкач или гигант духа, величайший философ?

Теперь молодому человеку предстояло жить с этой загадкой, будь она проклята вместе с хитрым и желчным стариком, так некстати поделившимся сомнениями. Гуран вытер клинок об одежду украинца, сунул меч в ножны.

«Кто же ты на самом деле, мэтр Дольбрайн?»

Глава 5

Спешившись, фра Розарио угодил прямиком в неглубокую лужу. Тотчас противным холодом обняло пальцы левой ноги. Должно быть, прохудилась подметка. Вот незадача! Где в лесу найдешь сапожника? Можно, конечно, попытаться прошить лопнувшую кожу самому, латку наложить, но загорелый, вислоусый аксамалианец не чувствовал в себе достаточно умения. Еще, не приведи Триединый, хуже будет... Он не умел и не любил (которое из этих двух чувств являлось причиной, а которое следствием, неизвестно) сапожничать, шорничать, чинить одежду, готовить еду, предпочитая путешествовать со всеми удобствами, то есть в карруке либо на корабле, а не трястись в седле, пробираясь сквозь дикие земли.

Он гордился своими навыками, но не навыками ремесленника. Фра Розарио зарабатывал на жизнь убийствами. За соответствующее вознаграждение он мог взяться убрать хоть любого жреца из Верховного Совета на выбор. По желанию заказчика. Прекрасно владея добрым десятком видов оружия – короткий меч и корд, метательный нож и орион, кистень и груз на цепочке, обычная палка и легкий топорик, арбалет и трубка со стрелами, – он брался за самые сложные заказы и с честью выполнял их.

Уверенность в собственной исключительности позволила Розарио не вступать в гильдию наемных убийц, а врожденная скрытность и осторожность дали возможность довольно долго скрываться от собратьев по ремеслу. Дважды его пытались привлечь силой, но оба раза смельчаки, отважившиеся бросить вызов одиночке, нашли быструю и, надо думать, легкую смерть.

Розарио жил относительно спокойной и сытой жизнью. Денег, выручаемых за очередное убийство, обычно хватало на полгода, не считая полусотни вкладов в различные банки. От Верны до Перта, от Орига до Гелеммы. Понемножку, сотня-другая солидов,¹⁷ чтобы никто не заподозрил богача в скромном убийце.

Все чаще и чаще аксамалианец подумывал об уходе на заслуженный отдых. А почему бы и нет? Ведь уже скопилась кругленькая сумма, можно перестать мотаться по материку и заняться любимым делом – голубями.

Но новое задание, от которого Розарио не смог отказаться, погнало его в дорогу. На самый край света, туда, куда и табалец баранов не гонял. Толкнуло в объятья холода и сырости, к ночевкам у костра, тряске в седле и купанию в холодных реках. Отдало на съедение комарам, вшам и клещам. А ничего не поделаешь, глава айшасианской резидентуры в Сасандре слов на ветер не бросает. Если сказал, что в случае неповиновения выдаст Розарио на выбор или гильдии, или тайному сыску, то сделает. Вот и решил аксамалианец расстараться напоследок, убить людей, список с именами которых доставила ему голубиная почта. Ночью подкараулил и зарезал т'Веррона дель Карпо, капитана Аксамалианской гвардии, агентурная кличка – Усач. Метким выстрелом из «одноручного» арбалета свалил фра Биньола, банкира, совладельца банка «Биньол и Маракетто» по кличке Брюхо. Придушил Жильена, горшечника с улицы Прорезной, кличка Рыбец. Столкнул с пирса портового рабочего Прыща – настоящее имя Ниггольм. Убедился, что Юнец – т'Адилио делла Винуэрта, лейтенант, адъютант верховного главнокомандующего т'Алисана делла Каллиано – погиб в один день с генералом, а мэтр Миллио, чиновник второй категории таможни Аксамалианского порта по кличке Меченый, сгинул в неразберихе ночи Огня и Стали. И только двое «претендентов», кажется, ускользнули. Табачник – фра Корзьело – лавочник из Аксамалы и начальник тай-

¹⁷ Скудо и солид – денежные единицы Сасандры. Один золотой солид по стоимости равен двенадцати серебряным скудо.

ного сыска имперской столицы – господин т’Исельн дель Гуэлла по кличке Министр. Как ни старался Розарио, а обнаружить ни одного, ни второго не смог.

На поиски он потерял около десяти дней. Наконец выяснил, что Табачник покинул Аксамалу южным путем, а Министр – северным, по морю. Хотя разорвись... Поразмыслив, Розарио решил, что дель Гуэлла – птица поважнее, чем лавочник, и решил отправиться за ним. Все-таки вернуться и догнать Табачника будет проще даже по прошествии времени, а вот раз потеряв след матерого контрразведчика, можно лишиться его навсегда.

До Гобланы убийца добрался на купеческом корабле, одном из последних перед зимним сезоном. Дальше верхом. В маленьком городке на востоке провинции... Как же он назывался? Ах, да! Тин-Клейн. В городке Тин-Клейн Розарио познакомился со своим нынешним спутником. Бывший подчиненный дель Гуэллы хотел отомстить своему начальнику. Нет, отомстить – слово неправильное. Мастер (так звали сыщика, но Розарио он представился как фра Иллам, должно быть, рассчитывая остаться неузнанным) решил просто покарать предателя. Убить, как бешеного кота.

Теперь они путешествовали вместе. Розарио до сих пор не мог понять – соперник с ним рядом или союзник? Утешал себя мыслью, что пока что все равно союзник. А пробираться вдвоем все же легче, чем в одиночку. За Гралианой, в местах, где озверевшие дроу вырезают человеческие поселения, где бродят шайки мародеров и дезертиров, выжить не просто. Тем более, Мастер, похоже, очень любил возиться с костром, кашеварить, самозабвенно расчищал копыта лошадям и прошивал надорванные путлища. Полезный спутник. А избавиться от него Розарио всегда сумеет. В свои силы, а также в быстроту и ловкость, убийца верил свято.

Но это все после. После встречи с дель Гуэллой.

Сейчас важнее найти хоть мало-мальски сухое местечко и развести костер. После вскипятить воды, заварить травяную смесь из мяты, донника и чабреца, перекусить чем Триединый послал. Да... Чего уж греха таить, послал им Триединый горсть сухарей. Давно пора бы поохотиться или порыбачить, а то недолго на заплесневелом хлебе и ноги протянуть.

– Что загрустил, фра Розарио? – усмехнулся Мастер. Мокрый капюшон облеплял его голову, струйки воды сбегали по выдавшему виды плащу.

– Ногу промочил, – честно ответил убийца.

– Ничего! Бывает и хуже! – усмехнулся, сверкнув белыми, несмотря на страсть к табаку, зубами сыщик. Передал повод коня мальчишке, который прибил к ним на переправе через безымянную реку.

По словам паренька, он был ни много ни мало графским сынком. Почему бы и нет? Несмотря на благородное происхождение, он с радостью выполнял любую работу. Что бы ни поручили ему Розарио или Мастер. Когда они встретились, Халльберн, или просто Халль, спешил на север вместе с отрядом наемников. Они преследовали некоего барона, убившего отца и мать Халльберна – ландграфа Медренского и его супругу. Узнав, что наемники намерены остановиться на переправе и сдерживать орды остроухих, прикрывая отход беженцев, наследник Медрена не раздумывал. Месть вела его по жизни и руководила всеми поступками. Месть подтолкнула его бросить спутников и напроситься в попутчики к двум сумрачным, неразговорчивым мужикам. Теперь он изо всех сил старался быть полезным: носил воду, собирал хворост, седлал коней... И на каждой ночевке Халль рассказывал, что чувствует – приближаются они или удаляются от таинственного барона Фальма, беспощадного котолка.¹⁸ По всему выходило, что приближаются. Хорошо это или плохо, Мастер не знал, да и Розарио остерегался высказывать предположение. Но сыщик чувствовал... Наверное, так же опытный моряк ощущает приближение бури, а мечник предугадывает вражеский

¹⁸ Котолак – человек, способный по своей воле или спонтанно оборачиваться котом.

удар. Мастер чувствовал, что идут они верным путем. Дель Гуэлла не скроется ни в какой дыре. Рано или поздно возмездие осуществится.

– Понятно, малышу тоже нелегко. – Розарио проследил взглядом, как мальчишка заводит коней под разлапистую сосну, набрасывает поводья на обломанный сук. – Подобные забавы не для детей.

– Верно, – вздохнул Мастер. – Только лошадям еще хуже.

– Лошадям? – вскинул брови убийца. – Да что с ними сделается?

«Вот он, самый настоящий, прожженный горожанин», – подумал сыщик, но вслух сказал:

– Лошадям всегда хуже, чем людям. Посмотри, фра, как маклаки торчат...

– Я тоже не жирую, – не собирался сдаваться Розарио.

– Само собой. Но мы можем и рыбки в ручье наловить, а для них травы почти не осталось. Хвою же они грызть не будут. Не олени. Да еще копыта размокают – это не твоя подметка, фра, дратвой не зашьешь.

– Да? И что теперь делать будем?

– Да что тут сделаешь... – Мастер наконец отыскал бугорок под деревом, где хвоя выглядела более сухой, чем вокруг, бросил выюк. – Пожалуй, бросать коней придется.

– Как?

– Да так. Дальше они нам только мешать будут. Прокорм им ищи, а там, глядишь, и болеть начнут.

– Это верно, – подумав, согласился Розарио. Он вспомнил, что последний раз кони плотно поели на разграбленном остроухими хуторе. Там почему-то осталась совсем целой копешка сена. Хорошего, душистого, с заливного луга. А вот зерна, как ни старались, отыскать не смогли. Или сгоревшие в бревенчатом срубе люди спрятали его чересчур уж надежно, или дроу увезли. Хотя зачем карлика зерно? Хлеб они не сеют, не жнут, не пекут. Даже в мирные годы на муку менялись весьма неохотно. Вот табак – другое дело. Или железные ножи.

– А кроме того... – продолжал Мастер, растягивая под деревом кожаный полог. От сырости не спасет, но за шиворот капать не будет. – Кроме того, без коней прятаться легче. Мы сейчас уже из людских краев выходим. Дальше нужно тише мыши красться...

Розарио поежился. Не слишком-то радостно пробираться по исконным землям остроухих. Известно, что дроу прирожденные охотники и следопыты. Спрятаться от них не просто. Остается лишь молиться Триединому и надеяться на удачу и опыт Мастера.

Аксамалианец махнул рукой и негромко окликнул Халля:

– Расседливай коней, малыш. И уздечки снимай, и недоуздки. Все, лошадки, вольная вам вышла... – Он вздохнул и грустно улыбнулся Мастеру. – У меня во фляжке еще сохранилась пара глотков горлодера из Тин-Клейна. Так что мы, фра Иллам, отметим расставание с лошадьми, не так ли?

Мастер кивнул:

– А заодно выпьем за удачу. Она нам еще ой как понадобится...

А дождь шумел негромко и монотонно. Обычный осенний дождь, грозящий, того и гляди, перейти в мокрый снег. Что поделаешь, север.

Самым неприятным... Нет, неприятным – это слишком домашнее слово. Неприятным может быть привкус вареных ос в малиновом варенье. Омерзительным! Вот слово подходящее. Оно вызывает те чувства, что надо...

Самым омерзительным в плену для Кирсьена оказалась вынужденная нечистоплотность, а попросту грязь и вонь. Даже в солдатских лазаретах – не говоря уже о лечебницах для господ офицеров – за ранеными ухаживают: меняют повязки, перестилает постели,

стирают белье. Остроухие не пытались сделать жизнь своих пленников приятной. Каждый вечер прихрамывающий, сморщенный дроу разматывал заскорузлые от крови тряпки, стягивающие ноги Кира, повязки, которыми были обмотаны резанные и колотые раны остальных пленников. Без всякой жалости. Отрывал «по живому», не заботясь – больно людям или нет. После мазал раны маслом, зачерпывая его грязным пальцем с черным обломанным ногтем из корявой миски, сделанной, скорее всего, из куска коры. Судя по запаху – можжевельным маслом. Кир, наслушавшийся еще в детстве от отца жутких историй о том, как гниют неправильно леченные раны, с ужасом ждал, когда же у него под коленями зашевелиятся черви. Но видно, при всей внешней неприглядности врачевания, снадобье способствовало заживлению. Но тот же дроу заматывал раны тряпками, не озаботившись хотя бы поболтать их в воде.

Измазанную в глине одежду пленных тоже никто не думал стирать. Да и сами они не могли это сделать из-за слабости от ран. Та же слабость не давала возможности отойти, как положено, по нужде. Это приносило Киру кроме телесных еще и нравственные мучения. Когда он смог не просто шевелиться, а уже более-менее ползать на карачках, то потребовал от охранников разрешения уползать на стоянке в кусты. Те долго спорили, коверкая слова человеческой речи, даже пригрозили снова перебить ему ноги. Но потом тот самый пожилой морщинистый дроу сказал что-то вроде того, что Золотому Вепрю угодны норовистые жертвы, а не обездвиженные калеки, и согласие было достигнуто.

Кстати, тьялец с гордостью осознал, что начал понимать некоторые слова из языка дроу. Самые простые и понятные, которые слышал от конвоиров каждый день.

Его товарищи по несчастью переносили лишения по-разному.

Каматиец Вензольо замкнулся и только стрелял глазами по сторонам, словно загнанный зверь. Хвала Триединому, хоть ныть перестал. Наверное, поджившие раны стали меньше беспокоить. Он пытался заискивать перед остроухими, улыбался в ответ на их короткие приказы, радостно кивал. Неизвестно, на какую выгоду он рассчитывал. Усиленную кормежку? Но им по-прежнему давали одинаковое количество еды каждому. Немного отваренного мяса – какая-то птица вроде рябчика или тетерева – и плошка воды на брата. Ежеутренне и ежевечерне. С голоду не умрешь, но и жирка не накопишь. А может быть, картавый студент думал, что его не станут приносить в жертву? Глупые надежды. У дроу просто отсутствовало такое чувство, как жалость к людям. Человек может пожалеть червя, расчувствоваться и не зарезать цыпленка к празднику, опустить самострел, наведенный на певчую птичку, но чтобы остроухий пожалел человека? Ерунда. Подобная выдумка не может прийти в голову даже выдумщикам, вроде составителей романов для скучающих дворянок. В общем, Вензольо в очередной раз показал себя трусом и глупцом, недостойным не то что уважения, а даже презрения. Никто же не станет презирать кошачье дерьмо, прилипшее к сапогу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.